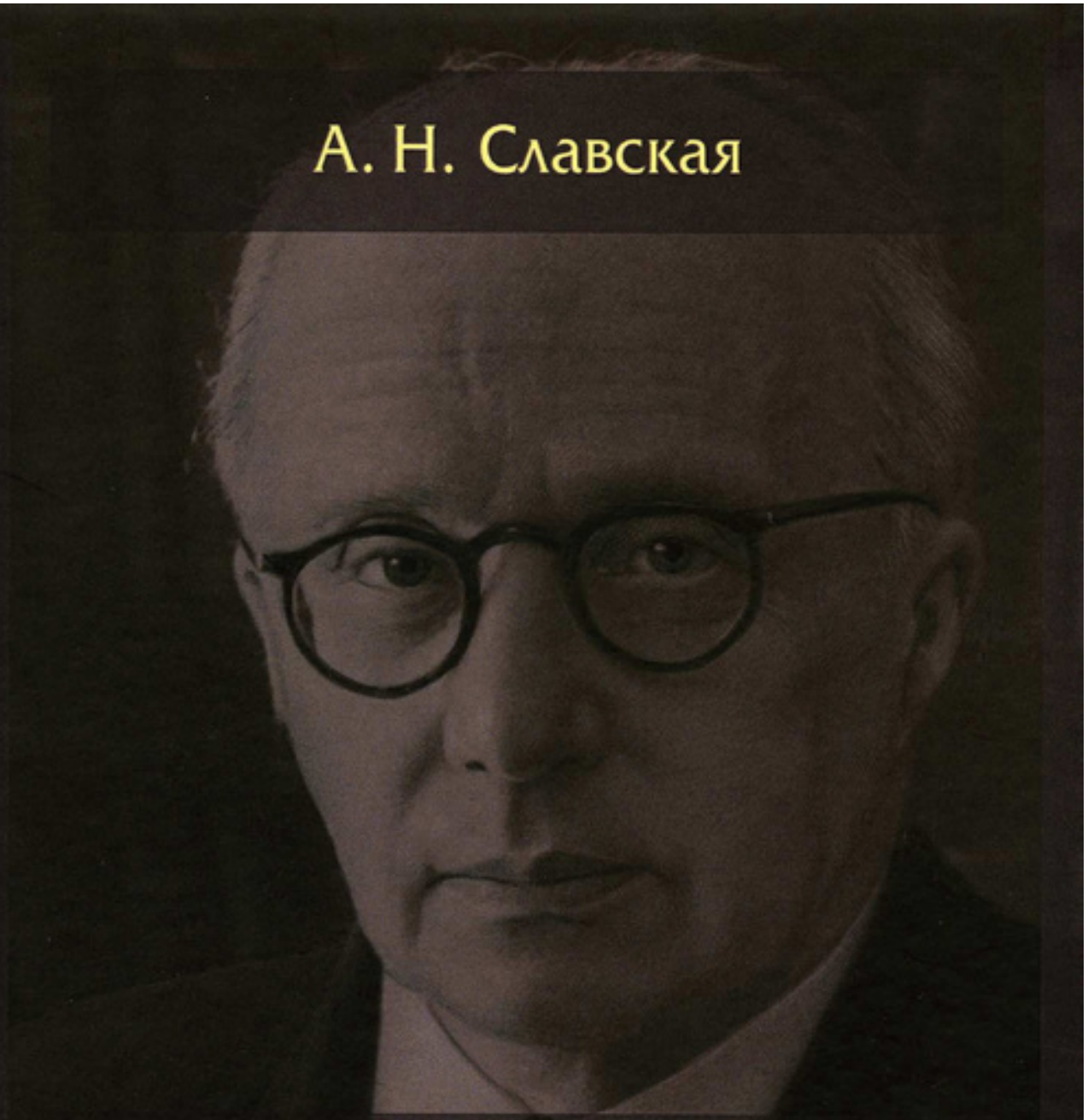
Методология, теория и история психологии

А. Н. Славская



Основы психологии С. Л. Рубинштейна

Философское обоснование развития

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Методология, теория и история психологии

А. Н. Славская

Основы психологии С. Л. Рубинштейна. Философское обоснование развития

«Когито-Центр»
2015

УДК 159.9
ББК 88

Славская А. Н.

Основы психологии С. Л. Рубинштейна. Философское обоснование развития / А. Н. Славская — «Когито-Центр», 2015 — (Методология, теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0302-0

В книге осуществлен анализ этапов научного творчества Сергея Леонидовича Рубинштейна. Исследование показало, что переход от ранней философско-антропологической концепции к методологии наук, а затем к психологии и в конце жизни возвращение к философской парадигме человека в мире означал реализацию первоначального замысла ученого. Он ставил своей целью доказать истинность и эффективность своей исходной философской системы сначала для методологии научного познания, затем для построения основ психологической науки и далее для подтверждения и развития своей философской парадигмы.Задача С. Л. Рубинштейна, реализованная им на научном и организационном уровнях, состояла в интеграции отечественной психологии – объединении различных концепций отечественных философов и психологов, создании психологического сообщества, координации деятельности ведущих психологических центров и включении психологии в систему академической науки.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9270-0302-0

© Славская А. Н., 2015
© Когито-Центр, 2015

Содержание

Предисловие 7
Глава I. Ранняя концепция философской антропологии и онтологии С. Л. Рубинштейна как основание методологии точных, социальных и гуманитарных наук 15
1. Философская антропология в онтологической концепции С. Л. Рубинштейна 1910–1920-х годов 15
2. Философское и научное определение познания и методологии наук в концепции 1920-х годов 25
3. Рубинштейновский анализ психологических проблем в работах Н. Н. Ланге и Э. Шпрангера 1920-х годов 32
Глава II. Определение методологических принципов, теории и методов исследования психологии и презентация ее системы как науки 39
1. Философские основы методологии отечественной психологии в статье С. Л. Рубинштейна «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» 39
2. Роль методологических принципов в разработке С. Л. Рубинштейном основ психологической науки 47
3. Презентация психологической науки С. Л. Рубинштейном в «Основах психологии» 1935 г. 52
Конец ознакомительного фрагмента. 59

А. Славская
Основы психологии С. Л. Рубинштейна: Философское обоснование развития

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2015

* * *

125-летию С. Л. Рубинштейна посвящается

Предисловие

Каждая философская концепция и каждая наука возникают в связи с потребностями нового этапа развития общества и типа отношений людей. Однако парадигма С. Л. Рубинштейна более чем на полвека опередила свое время, раскрыв лучшее в сущности человека – возможности его развития. Формирование этой концепции происходило не в «уютной тиши кабинета». С. Л. Рубинштейн включился в создание новой психологической науки, системы образования и в реорганизацию психологических центров, неуклонно на протяжении жизни решая задачи подготовки кадров психологической науки и развивая их способность творчески мыслить. Масштабы его практической деятельности были огромны: он создавал заново научно-исследовательские учреждения, объединял на новой научной основе институты и центры Украины, Одессы, Ленинграда, Москвы. Он стремился всеми силами обеспечить понимание и поддержку новых идей научным сообществом, содействовал его консолидации.

Эта огромная деятельность, продолжавшаяся почти полвека, только временами получала поддержку. По большей части его жизненный путь отмечен бесчисленными препятствиями, социальной изоляцией. В самом начале научного творчества против Рубинштейна выступила дореволюционная профессура, критикуя за распространение идей Маркса и Эйнштейна. После краткого периода успеха (1930-х и начала 1940-х годов) и общественного признания его заслуг – в начале 1940-х годов ему была присуждена Сталинская премия, он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР и назначен директором-организатором и руководителем трех ведущих московских психологических центров (1942–1945), занимался организационной деятельностью, руководил научными исследованиями герценовского коллектива, создал две фундаментальные учебные монографии: «Основы психологии» (1935) и «Основы общей психологии» (1940, 1946). Со второй половины 1940-х годов началась его травля, обвинения в бихевиоризме, антимарксизме, космополитизме вчерашними единомышленниками, которых он опекал в науке и поддерживал в жизни.

С. Л. Рубинштейн явился основоположником, создателем системы новой психологической науки XX в., разработал ее основы, опираясь на оригинальную фундаментальную философскую парадигму (онтологию и философскую антропологию), которую он развивал начиная с 1910–1920-х годов до 1960 г. Ему удалось вскрыть роль и значение своей диалектической, онтологической, философской концепции для психологической науки в качестве ее *методологии.* В результате того способа связи философии и психологии, при котором первая служила методологическим основанием построения второй, а последняя – научным доказательством и испытанием первой на подлинность и эвристичность, С. Л. Рубинштейн сумел, опираясь на марксизм, использовать его позитивные идеи и преодолеть его догматическую интерпретацию. Эту задачу он решал, находясь в тисках советской идеологии и при этом активно практически действуя – строя психологическую науку.

Парадоксальность, противоречивость и трагичность его судьбы заключалась в том, что его идеи, с одной стороны, опережали уровень философско-психологического мышления эпохи, были недостаточно поняты во всей своей глубине, с другой стороны, они внедрялись им и его трудами, организационной и педагогической деятельностью в бытие современной ему психологической науки, воспринимались и реализовывались психологами как «общенародное» знание, служили развитию психологии как науки в целом. Но сам он не только как автор концепции, но и как созидатель на ее основе науки оценивался психологами как философ, а философами – как психолог, вопреки единству философии и психологии, которое ему удалось раскрыть в теории.

В последнее десятилетие жизни Рубинштейн оказался в атмосфере вынужденного одиночества и социального остракизма. Он противостоял этому умноженной силой своего творче-

ства и энергичным научным объединением оставшихся с ним сотрудников и учеников. Смерть остановила его руку, заканчивающую последний труд жизни – «Человек и мир»[1]. При всей его фундаментальности и высшей степени сложности он стал мировоззренческим опытом в преддверии оттепели.

Основные философские и методологические идеи, составлявшие концепцию С. Л. Рубинштейна *первого* периода его творчества, при его жизни не были известны, сохраняясь в его архивах. Завершающая его творческий и жизненный путь онтологическая концепция, включавшая философскую антропологию, стала известна лишь в 1970-х годах. Поэтому при жизни в философских кругах С. Л. Рубинштейн не считался философом, хотя основные труды лучших периодов его жизни – 1930-х и 1950-х годов – снискали ему роль лидера *психологической науки.* Сердцевиной его творчества 1930–1940-х годов были три труда, в которых представлена новая система психологической науки – *ее основы:* это «Основы психологии» (1935), «Основы общей психологии» (1940, 1946) и предшествующая им статья о положениях К. Маркса, которые, как он доказал, составили философскую *основу новой* отечественной психологии. Эти труды образовали систему, на которую опирается подготовка психологических кадров. Эта система была единодушно признана как наиболее развернутое, глубоко обоснованное представление психологической науки психологическим и академическим сообществом.

Однако труды последнего периода жизни С. Л. Рубинштейна – три его монографии: «Бытие и сознание» (1958), «О мышлении и путях его исследования» (1958), «Принципы и пути развития психологии (1959) – и рукопись книги «Человек и мир» (1973) – представлялись, в силу кризиса психологической науки и социальной изоляции автора, как бы оторванными от предшествующих трудов, хотя и содержали принципы, идеи и теории, немедленно вошедшие в психологическую науку.

Вся школа С. Л. Рубинштейна преимущественно реализовала и развивала ряд направлений его концепции, а его ученики – К. А. Абульханова и А. В. Брушлинский – восстановили основные идеи его философско-психологической и психолого-методологической концепции, раскрыли ее значение, роль и место в психологической науке и отечественной философии. Задачи восстановления неизвестных идей С. Л. Рубинштейна, расшифровки последнего труда его жизни, раскрытия связи психологической концепции с философской парадигмой осуществлялись практически в течение полувека. Дальнейшее развитие всех направлений его многогранной концепции и ее ретроспективное историческое воссоздание осуществлялось его учениками и всей его школой. Однако они сами должны были «дорасти» до уровня мышления своего учителя и, доказывая свою роль на новом этапе развития отечественной психологии, противостоять бывшим «единомышленникам» С. Л. Рубинштейна, стремившимся сразу после кончины ученого забыть или исказить выдвинутые им идеи.

В связи с объемностью и сложностью этих задач и необоснованностью попытки немедленного их решения одновременно на всех уровнях (философском, методологическом, психологическом, теоретическом и эмпирическом), не все открытия разных периодов были «вычерпаны» (термин С. Л. Рубинштейна). Его творческое наследие до сих пор остается неиссякаемым источником для новых исследований.

Данное исследование посвящено восстановлению малоизученного первого (философско-психологического) периода творчества С. Л. Рубинштейна (1910–1920-е годы) и его роли как философско-методологического *основания* следующего периода (1930–1940-е годы), на

[1] Однако для того, чтобы рукопись была опубликована (1973) и затем начала переиздаваться, потребовался сложнейший труд ее расшифровки, комментирования и «адаптации» к еще царившей в 1960-е годы атмосфере *канонизированного марксизма.*

протяжении которого С. Л. Рубинштейн заложил основы и разработал целостную систему отечественной психологической науки.

Наше первое исследование творчества С. Л. Рубинштейна раннего периода было направлено в основном на выявление методологического соотношения философских и психологических идей. В данной работе предпринята попытка рассмотрения его творческого пути *как целого,* состоящего из поставленной самим С. Л. Рубинштейном цели и подчиненных ее достижению различных взаимосвязанных задач на разных этапах его творчества. Решение каждой из этих задач осуществлялось им во временной исторической (и биографической) последовательности и, главное, в связи с философской и научной целью, которую он поставил в самом начале своего творческого пути, а достиг в конце своей жизни в своем последнем труде.

Воссоздание целостности философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна в историческом плане осложняется тем, что внешне периоды его творчества представляются различными по своему характеру: философско-методологический (1910–1920-е годы) сменяется психологическим (1930–1940-е годы), а период 1950-х годов снова завершается возвратом к разработке философской концепции, поэтому может создаться впечатление о оторванности этих периодов, об их несвязанности друг с другом.

Целостность же всего его творческого пути определяется, согласно нашей гипотезе (опирающейся на уже проведенное исследование первого периода его творчества), тем, что в его начале С. Л. Рубинштейн разрабатывает *основы* создания *новой системы* психологической науки (отразив это в самих названиях своих трудов 1930–1940-х годов), а в конце жизни (1950-е годы) превращает психологическую науку в *основание* своего доказательства *новой философской онтологической концепции.*

Открыв новую онтологическую интерпретацию человека и его бытия как *субъекта* в мире, Рубинштейн фактически распространяет эту идею на раннее исследованную им личность как *субъекта жизнедеятельности,* преодолевающую ее реальные противоречия – как субъекта оптимистического и одновременно трагического – путем реализации отношения к ней с позиций утверждения свободы, справедливости, человечности в жизни, в отношениях людей, в другом человеке, в обществе.

Иными словами, уже на самом раннем этапе своего творчества С. Л. Рубинштейн создает *целостную* философскую концепцию. Затем применяет ее к психологии, доказав ее верность и конструктивность созданием новой системы психологической науки. Фактически он разрабатывает *основы* психологии как новой целостной системы. И затем, подтвердив основы своей философской концепции на примере конкретной психологической науки, он создает *новую* философскую парадигму.

Вопрос, как складывается *целое* из составляющих, разработанных последовательно во времени, представляется не простым, тем более что отдельные творческие этапы ученого связаны с разными *жизненными* пространствами: Марбург – Одесса – Москва. Они в известной мере обособляются, потому что обстоятельства жизни, профессиональные задачи на каждом этапе были *различны.* Рубинштейн начинает свой творческий путь как философ, затем становится ведущим психологом отечественной науки и, наконец, в конце жизни, не прерывая своей профессиональной деятельности психолога, снова заявляет о себе как философ. Не является ли жизненный путь ученого в таком случае замкнутым кругом или, напротив, разорванными во времени этапами?

Согласно нашим представлениям, можно интерпретировать творческий путь С. Л. Рубинштейна как единое целое не во времени, а в аспекте *единой* цели, которая реализовывалась последовательно на разных этапах его творческого пути. Таким образом, в самом его начале он создает такую целостную философскую концепцию, которая имплицитно содержит методологические возможности – *основы* – для построения новой психологической системы, ее основ, а эта научная система, в свою очередь, служит *основой* развертывания философской

концепции в новую философскую парадигму. «*Основы*» – главное понятие в логике *интеграции* целостности творчества С. Л. Рубинштейна. Конкретно эти основы воплощены в «Основах психологии» и «Основах общей психологии». Целостность творчества С. Л. Рубинштейна заключается в разработке сначала философской концепции, которая выступила предпосылкой создания *основ* психологии, а последние, в свою очередь, становятся опорами для создания новых, *философских основ.* Связующим механизмом в диалектике этих переходов является *методология,* к разработке которой С. Л. Рубинштейн приступает еще в Марбурге как к *проблеме метода.* Затем, применяя ее к философским проблемам, на основе их решения он выявляет *новые возможности методологии,* которые реализуются им как способ построения психологической науки. В последней он выявляет *специфическую* для нее методологию, которая обобщается им и обеспечивает переход от *конкретно-научного* уровня психологии к *философскому* – к философско-антропологической онтологической парадигме.

С. Л. Рубинштейн искал *путь* и *способ* построения многоуровневой и всесторонней концепции бытия, т. е. онтологии, и стремился к определению в ней специфического *места человека как субъекта* (философской антропологии). Положения рукописи 1910–1920-х годов предстают как *констатирующие сущность проблемы.* В «Ранних рукописях» 1910–1920-х годов он сформулировал это как тезис. А уже в 1920-х годах, понимая, что этот тезис до некоторой степени представляет собой гипотезу, обратился к поиску *метода* ее *доказательства,* к объяснению этих фундаментальных идей. Поэтому как философ С. Л. Рубинштейн обращается к психологической науке, в которой, прежде всего, разрабатывает проблемы *методологии науки,* чтобы найти в них способ обоснования открытых им сущностей бытия человека и субъекта.

Ключевыми, обеспечивающими смысловое целое творчества С. Л. Рубинштейна, как мы предполагаем, являются *имплицитные* и *эксплицитные* методологические принципы, особенности которых исследуются в данной работе. Под имплицитностью мы подразумеваем такой способ научного рассмотрения проблемы, той или иной психической «способности» (восприятия, памяти, сознания и т. д.), который содержит его трактовку (*интерпретацию*) без ее развернутого обоснования, объяснения и т. д., но который отвечает замыслу целого – решаемой задаче, выше обозначенному *целому,* связан с другими методологическими принципами. Так, например, с определенного момента С. Л. Рубинштейн начинает рассматривать сознание, *не* развертывая доказательство его связи с личностью, а подразумевая в способе определения данного феномена его *принадлежность личности.* Такой способ определения и исследования, связанный с подразумеваемым, но *не эксплицируемым* подходом, мы называем *интерпретацией.*

К проблеме интерпретации как предмету психологического исследования мы обратились в связи с участием К. А. Абульхановой в работе по расшифровке рукописи «Человек и мир» С. Л. Рубинштейна, которая затем была опубликована ею в виде монографии «Человек и мир».

Трудность расшифровки текста рукописи была связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, С. Л. Рубинштейн, будучи больным, писал лежа, неразборчиво, а некоторые предложения нарочито не заканчивал в силу их идеологической остроты. Поэтому приходилось восстанавливать смысл текста из отдельных слов, а значение слов – из текста, расшифровывать и пометки, сделанные автором на полях томов Гегеля, Гуссерля, Канта, Спинозы, Кассирера и мн. др. авторов, изданных на немецком языке. Во-вторых, вторая часть рукописи с целью шифровки смысла текста, противоречившего официальной марксисткой догме, была написана в форме отдельных фрагментов, часто носящих дневниковый характер. Временами автор выражался эзоповским языком, особенно критикуя догматические положения советской философии. Это усложняло задачу восстановления аутентичного содержания текста его ученице, К. А. Абульхановой. А затем она сразу осуществляла вторичную «маскировку», сглаживая остроту ряда новых философских положений путем их комментирования. Она утвер-

ждала, что совершенно новые онтологические, антропологические идеи Рубинштейна якобы соответствуют марксовой концепции. Без этого рукопись никогда не была бы опубликована [2].

Именно осуществление К. А. Абульхановой этих *противоположных* процессов – расшифровки подлинного содержания текста и его зашифровки – и привлекли наше внимание к роли *интерпретации* и привели к ее выявлению в трудах С. Л. Рубинштейна, в герменевтике, в методологии науки, в психологии и как способности личности [3].

Первый труд С. Л. Рубинштейна отвечал *направленности марбургской школы* на поиски *метода, объединяющего гуманитарные и точные науки.* Рубинштейн обращается к философским проблемам онтологии и антропологии в 1910–1920-х годах, что составляло ядро его ранней концепции человека. В ней, наряду с этическим отношением к другому человеку, деятельности и жизни, проблемы *познания* выступают как *одно* из отношений человека к миру.

Далее проблемы познания он конкретизирует в исследовании *процесса и метода научного* познания целого ряда гуманитарных, точных, социальных наук (в духе Марбургской школы). Процесс и способ научного познания рассматривается им как *методология наук.* Но его интерпретация методологии отличается от идеи синтеза точного и гуманитарного знаний, единства их метода, которого искала Марбургская школа. Он ищет такую *целостность познавательной системы,* которая соответствовала бы *онтологическому качеству объекта наук* и новому способу, методу их объяснения, соединяющему то, *что* исследуется, с тем, *как* исследуется. Философские положения «Ранних рукописей» преобразуются – объясняются как метод познания бытия в широком смысле, т. е. *методологически.* Сущность – онтологическое качество *объекта* познания *науки* не дана непосредственно, а философски описывается в самом общем (пока абстрактном) виде, и *методология становится интерпретацией.* «Философские рукописи» 1910–1920-х годов могут рассматриваться как содержащие своеобразную философскую *гипотезу,* а последний философский труд С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» конца 1950-х годов – как осуществленные на почве *конкретной науки – психологии* – ее проверка и доказательство.

В круг идей 1920-х годов, казалось бы посвященных исключительно познанию, методологии наук, внезапно «врывается» тема субъекта («Принцип творческой самодеятельности», 1922), которая уже разработана в ранней философской концепции, и на ее основе происходит обращение к *психологическим* работам Н. Н. Ланге и Э. Шпрангера. Рассматривая в 1920-е годы *всю совокупность наук* – психологию, физику, математику, социологию, он выбирает ту, которая наиболее адекватна его философской концепции, в которой человек исследуется в *качестве субъекта,* а его бытие – в качестве жизни личности. Это, по нашему предположению, свидетельствует о том, что анализ процесса познания, *особенностей его метода* и системы осуществлялся С. Л. Рубинштейном не случайно, а с целью связать *методологию* познания с психологией, перейти *на более конкретный уровень* исследования *метода* науки, с одной стороны, и с концепцией субъекта 1910–1920-х годов, с другой.

Однако важно и то, что уже в 1920-е годы Рубинштейн различает, дифференцируя *метод* и *методологию познания* и *науку,* как *систему знаний.* Это различение характерно и для его работ 1930-х годов, когда в психологии он дифференцировал методологические *способы познания* и их *результат – систему знаний.*

Задачей данной работы является прослеживание *внутренней методологической связи* его философско-психологического и научного пути.

Эту связь образуют, по нашему предположению, *методологические принципы,* которые обеспечивают *непрерывность интерпретации философских* положений и проблем метода и

---

[2] Первоначальное мое участие заключалось в расшифровке написания отдельных слов. С 1981 г. я начала изучение архива, уже сданного в отдел рукописей ГБЛ, результатом чего стало написание диплома под руководством В. А. Кольцовой, посвященного исследованию ранних трудов С. Л. Рубинштейна.

[3] См.: *Славская А. Н.* Личность как субъект интерпретирования. Дубна: Феникс, 2002.

методологии ряда наук, в частности психологической науки, что обеспечивает превращение *результатов научного познания* в новое качество – *систему знаний науки* (*психологии*). Эти превращения в одних случаях специально объясняются, доказываются, в других – подразумеваются. Мы обозначили их и дифференцировали как *эксплицитные* и *имплицитные* методологические принципы и положения концепции С. Л. Рубинштейна, развивавшейся на протяжении полувека. Их прослеживание позволяет осуществить анализ истории и поступательного *непрерывного* развития рубинштейновской философско-психологической концепции. Они являются способами научного *познания как процесса* и организуют его результаты в систему *знаний.* Благодаря этому создается непротиворечивость соотношения в психологии *научного познания* и *знания,* связанная с ранее разработанной философско-антропологической парадигмой субъекта.

Встает парадоксальная проблема: каким образом, сложившись сразу как *завершенная* система, философская концепция субъекта, построенная С. Л. Рубинштейном в 1910–1920-х годы, не остается *неизменной* на протяжении почти полувека его научного творчества, а порождает все *новые* идеи, направления, принципы *развития психологии,* с одной стороны, и *остается* ее фундаментом – с другой? Творчество С. Л. Рубинштейна, охватывающее практически половину столетия, в силу этого представляет своеобразную систему, непрерывно разворачивающуюся, открывающую методологическую перспективу новым исследованиям, т. е. *парадигму,* которая может обеспечить *смену методологических задач* в связи с изменениями социального контекста, и, главное, отвечает исходной *философско-методологической* цели С. Л. Рубинштейна. Мы исследуем, как она влияет на *процесс познания в психологии* и на *преобразование* его результатов в *качественно иную форму* – уже сложившегося *знания,* которое, сохраняя свою *определенность* как науки, одновременно открывает перспективу дальнейшему *процессу* познания. В этом отношении парадигма представляет собой связь *нового,* достигаемого познанием, и уже сложившегося, определенного, *устойчивого,* что характеризует любую науку.

Интерпретация, на наш взгляд, отвечая принципу релятивизма, относительности в теории Эйнштейна, в самом широком смысле слова обеспечивает соотношение *изменчивого* – в самой действительности и науке о ней – и *устойчивого,* т. е. установленных в *результате* исследований качеств, объектов, их закономерностей, которое, на первый взгляд, кажется противоречием.

Однако психологическая наука, в которую в 1930-х годы С. Л. Рубинштейн вступил фактически сразу в качестве лидера, находилась в этот период в сложном, кризисном состоянии. Она переживала одновременно два кризиса: общеизвестный, состоящий в противостоянии направлений – психологии сознания и бихевиоризма; и второй – *идеологический.* Создание новой «советской» науки на основе положений марксизма затруднялось недостаточно глубоким знакомством с ними психологов, неявностью способа их приложения к уже существующему в психологии знанию. Преодоление Рубинштейном первого кризиса известно, поэтому мы останавливаемся на анализе второго, идеологического кризиса.

Рубинштейну нужно было решить более сложную, идеологически важную задачу – определить, что в концепции К. Маркса является важнейшим для психологии. В силу того что интерпретация трудов и идей К. Маркса представлялась в те годы искажением содержания его концепции, нужно было выявить, во-первых, те ее положения, которые терминологически, текстуально и содержательно относились к психологии, во-вторых, идеи, содержащиеся преимущественно в ранних рукописях Маркса, которые служили бы подтверждением *уже созданной* С. Л. Рубинштейном его собственной философской концепции. Но онтологический подход, составлявший основу концепции С. Л. Рубинштейна, не отвечал утвердившимся в советском марксизме понятиям материи и бытия, поскольку они относились к официальному историческому материализму в диаде «бытие и сознание». Понятие же человека, тотально отсутствующее в советской философии, приравнивалось к идеологически неприемлемым концепциям

философской антропологии. Поэтому методологически задача, решавшаяся С. Л. Рубинштейном в период 1930-х годов, была сверхтрудной и осуществлялась в значительной степени *имплицитными,* т. е. подразумеваемыми, но не открыто утвержденными идеями, способами «перевода» К. Маркса на «язык психологии». Он извлек из марксового учения категорию *труда,* вычленив его из контекста политэкономической теории и внедрив уже в новом качестве – *деятельности* — в новый контекст – в психологию: в систему ее категорий и закономерностей. Так он *реинтерпретировал*[4] понятие труда в понятие деятельности. Но одновременно, выделив разные качества труда, он раскрыл его, согласно К. Марксу, как природную способность, природные силы *индивида,* т. е. фактически *личности,* тем самым обнажив связь с психологией и далее *подразумевая* личность как субъекта *деятельности.* В 1930-х годах в статье о роли идей Маркса для психологии он фактически объясняет и «легализует» возможность употребления этого понятия в психологии[5].

Единство сознания и деятельности становится *эксплицитным* методологическим принципом, составившим основу практически 20-летнего периода плодотворного развития психологии. Однако *единство* сознания и деятельности достигается неприменением союза «и». С. Л. Рубинштейн, *подразумевая* субъекта, пока не объясняет, не обосновывает основания этого единства. Ранее введенная Рубинштейном категория субъекта, посредством которой он и «снял» противоречие тезиса и антитезиса, лежавшее в основе кризиса, останется *имплицитной* (хотя в качестве понятия нередко упоминается на страницах «Основ психологии» (1935) и «Основ общей психологии» (1940, 1946). Принцип же единства сознания и деятельности функционирует в психологии как *эксплицитный,* а основание единства – субъект – ранее эксплицитный, остается имплицитным, не *объясненным* для психологов. Почему? Научное «доверие» к этому принципу возникло тогда в связи с тем, что посредством него был разрешен второй кризис психологии. Но ввести в психологию понятие субъекта, в то время как традиционно ведущими были понятия сознания и поведения, а понятие личности почти не употреблялось, было невозможно. Рубинштейн опирается на него внутренне в утверждении единства сознания и деятельности. Но он *не мог* положить его в основу новой психологии как *научной системы знаний* в первом варианте «Основ психологии» (1935).

Соотношение имплицитных и эксплицитных принципов в его концепции составляет операциональное конструктивное, тактически стратегическое содержание методологии науки, ее «технологию».

Однако в целом имплицитность принципа субъекта у Рубинштейна *подразумевает* уже *философски доказанный принцип,* который в тексте существует в скрытой, подспудной форме, однако выступая как способ постановки и исследования психологических проблем.

В утверждении роли для психологии принципа единства сознания и деятельности С. Л. Рубинштейн в «Основах психологии» рассмотрел «единицы» сознания, связывая его с субъектом лишь при определении предмета психологии. В «Основах общей психологии» он вывел на первый план деятельность и в значительной мере – личность. Пользуясь терминами последних лет, он «поворачивал» то сознание, то деятельность разными сторонами, «вычерпывая» из них разное содержание для раскрытия их связи, которую он начал исследовать уже экспериментально во второй половине 1930-х годов с коллективом сотрудников ленинградского герценовского педагогического института.

Связь сознания и деятельности Рубинштейн исследует экспериментально на *методологическом основании развития.* Стратегия многочисленных исследований (предметом которых

---

[4] Термин П. Рикёра.

[5] Насколько непросто было ввести эту категорию в психологию, говорит даже тот факт, что существует, по нескольким международным подсчетам, не менее 250 определений значений понятия труда, но все его конкретные трактовки еще никак не определяли того, как и в каком качестве должна быть рассмотрена деятельность в психологии, не говоря уже о сложности интерпретации труда как деятельности.

являлись и восприятие, и память, и речь, и мышление) заключалась в том, что функционирование каждой психологической «единицы» (восприятия, речи, сознания и т. д.) включалось в осуществление деятельности, что приводило к их развитию и совершенствованию. Деятельность выступала в качестве условия, способа, причины развития всех психических функций. Здесь совершенно очевидна связь с формулой 1922 г., представленной в статье «Принцип творческой самодеятельности»: в деятельности субъект проявляется, реализуется и *развивается.* Здесь эта формула исследуется и доказывается экспериментально. Это была уже эмпирическая *интерпретация* роли деятельности как развивающей по отношению к сознанию (и его «составляющим», «образующим»).

«Центр тяжести» в основе своей концепции 1930-х годов Рубинштейн переносит с субъекта на его деятельность и по причинам научно-психологическим, ведь деятельность является *многокачественным, полифункциональным* проявлением субъекта, а это позволяло ему строить разнообразные «уравнения» при ее изучении и исследовать *через* нее – в ее осуществлении – психику, сознание. Совершенно очевидно, что категория деятельности уже в 1920-е годы была осмыслена и разработана Рубинштейном (о чем свидетельствует статья «Принцип творческой самодеятельности», 1922). Что касается общепринятой философской формулы деятельности, то она носила более абстрактный характер и в советской философии сводилась к формуле «цель – средство – результат».

Таким образом, схема нашего исследования творчества С. Л. Рубинштейна охватывает:

1. Детальный анализ раннего этапа (1910–1920-е годы) творческого пути С. Л. Рубинштейна как философского, обеспечивающего методологические предпосылки, *основания перехода* к философско-методологическому и собственно психологическому этапу (1930-е годы).

2. Раскрытие внутренней взаимосвязи разработанных в этот период *методологических принципов* (имплицитных и эксплицитных) как *способов* психологического познания (теоретического и эмпирического).

3. Исследование *перехода* от психологического *познания* к построению *основ* психологической *науки* как соотношения процессуального и результативного в науке, *исследуемого* и уже определенного, познанного *знания.*

4. Анализ изменений статуса психологической науки на основе идей, представленных С. Л. Рубинштейном в «Основах общей психологии» в контексте ее социальной детерминации (1940–1950-е годы).

5. Сохранение и развитие рубинштейновской концепции в психологии и философии как радикально нового этапа психологической науки и обоснование его философской парадигмы.

Данное исследование охватывает практически *все этапы* жизненного и творческого пути С. Л. Рубинштейна, но представляет их не только и не столько в биографическом плане и последовательности, а в той смысловой связи, которая определилась замыслом С. Л. Рубинштейна, научной, философской целью его жизни и творчества. Текст работы частично имеет методологический, *интерпретационный* и *описательный характер,* поскольку максимально насыщен идеями С. Л. Рубинштейна и содержит сравнение трех трудов – «Основы психологии» (1935), «Основы общей психологии» (1940, 1946) и «Бытие и сознание» – и.

Исследование опирается на труды школы С. Л. Рубинштейна, на системный подход, разработанный в пострубинштейновский период Б. Ф. Ломовым, его школой в общей и исторической психологии (В. А. Кольцова и др.), поэтому оно и исторично (ретроспективно), и современно (перспективно).

Глава I. Ранняя концепция философской антропологии и онтологии С. Л. Рубинштейна как основание методологии точных, социальных и гуманитарных наук

1. Философская антропология в онтологической концепции С. Л. Рубинштейна 1910–1920-х годов

Борьба идеалистического и материалистического философского мировоззрения привела к утверждению последнего в связи с марксовой концепцией и революцией. Значимость, «первичность» бытия была доказана жизненной необходимостью производственных, экономических отношений, капитала, а психологическая реальность бытия общества – трудом индивидов, классовой борьбой людей за власть и капитал. Одновременно с этой победой, реализованной в Советском Союзе, оказались изничтоженными связанные с идеализмом ценности духовности, нравственности, все то, что философски отстаивалось Гегелем, Кантом, Спинозой, а личность превратилась (по словам Маркса) в жертву истории.

Попытки вывести на сцену *человека* не только как производительную силу, «придаток своего труда» не удались ни философской антропологии, ни экзистенциализму в силу абстрактности рассмотрения, отрыва друг от друга его разных качеств. Они не осуществили интеграцию его бытия и духа, сознания, не смогли найти то его место в жизни, бытии, которое позволило бы восстановить его конкретную целостность.

Материалистическое направление философии, опиравшееся и на метафизическое, и на научное мышление, на представления точных наук, в силу отличия их от гуманитарных и при определенной разобщенности не могло привести к представлению о целостности бытия, тем более – охватить синтезом или обобщением его многообразие. Невозможной представлялась идея включения в бытие человека. *Целостность,* к которой тяготела философская мысль была присуща только сознанию, душе, а последние относились к сфере абстракций идеализма. Все это служило непреодолимым препятствием к тому, чтобы ввести человека в бытие в качестве *демиурга начала,* интегрирующего дух и материю, представить его бытие и сознание как целостность. Для этого необходимо было преодолеть сложившееся веками противопоставление сознания и бытия в идеализме и материализме. Нужно было сломать эту вековую, ставшую уже аксиомой конструкцию философии, причем сломать сразу в нескольких звеньях: на место *сознания* поставить *человека,* определить сознание как свойство, качество человека, а затем предложить *противоположную парадигму – их единства.* Иными словами, рассуждая в материалистических формулах, нужно было не только *заменить сознание человеком,* но и представить все уравнение в другом качестве вместо противоположности – единстве их составляющих, целостности человека.

Но для этого было необходимо и еще одно преобразование – превращение человека из безжизненной абстракции в бытийствующего, существующего, живущего и мыслящего, т. е. обладающего и *реальностью,* и *идеальностью* своего бытия. Попытки *философии жизни* и позднейшего экзистенциализма ввести категорию жизни в состав философских категорий, сделать ее предметом философского анализа терялись в поисках ее «единиц», качеств или сводили жизнь к существованию, обладающему лишь некими признаками человеческого (свобода, выбор и т. д.) или определяли жизнь только как противоположность смерти (бытие – небытию) и т. д. Именно *поэтому центральными категориями экзистенциализма оказались жизнь и смерть,* а не человек и его бытие в бытии вселенной, природы.

Чтобы заменить противостояние сознания и бытия единством человека и бытия, было *необходимо раскрыть качество бытия человека так, чтобы оно включалось в бытие в целом.* Таковы были проблемы, осознанные С. Л. Рубинштейном, едва перешагнувшим порог своего двадцатилетия, находившегося в духовной и философской атмосфере Марбургской школы со всеми присущими ей противоречиями[6]. С одной стороны, эпигонство по отношению к высокой классике (Кант, Гегель), с другой, поиски соединения – опоры *философии на науку, единого метода* точного и гуманитарного знания, *номотетического и идеографического* подходов, с третьей, при непонимании политэкономии марксизма принятие его гуманизма (Г. Коген). Рубинштейн вплотную сталкивается с противоречиями и философско-научного мировоззрения эпохи – *полифоничностью,* множественностью, стремлением к конкретности, с одной стороны, и тяготением к *синтезу, единству, целостности,* с другой.

Сознавая необходимость их разрешения, он и осуществляет свое философское открытие. Несомненно, что наиболее трудным, при нахождении в стенах Марбургской школы, стремящейся возродить на новой основе учение Канта, оказалось преодоление его положения о бытии как *внешней* данности объекта, о *внешности* соотношения познания и объекта.

С. Л. Рубинштейн «встраивает» бытие человека «внутрь» бытия, в целом – всей Вселенной. Но человек включается им в бытие не в качестве еще одного рядоположенного другим объекта. Реализация человеком своей особой позиции в бытии осуществляется им как *субъектом,* проникающим своим познанием в сущность объекта («внутрь»), преобразующим, внедряющимся своим действием в объективную действительность, воздействующим на другого человека, усиливая, поддерживая сущность последнего. Основные идеи, объединенные в целостную систему философской антропологии, разработанную на *принципиально новой онтологической основе,* С. Л. Рубинштейн формулирует в работе, условно обозначенной «Ранние рукописи», относящейся к периоду 1910–1920-х годов: марбургского и постмарбургского – одесского этапа становления его как философа[7].

С. Л. Рубинштейн пишет:

«1) Отношение мое к человеку (щедрость, искренность) – вот это не что иное, как „раскрепощение“ бытия другого человека в результате не отчуждения, а соучастия; в результате моего отношения он не сводится к совокупности отношений, а обретает бытие в себе.

2) Мое действие: его *внутреннее содержание* (курсив мой. – *А. С.*) образует то отношение, которым формируется и тот, на которого оно направлено, и я сам.

3) Природа людских отношений и чувств (любовь).

Бытие объекта этого воздействия и отношения, его преобразование и изменение, когда, вызывая в моем действии его данность, я реализую его сущность.

---

[6] В биографиях С. Л. Рубинштейна, опубликованных его непосредственными учениками К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинским, а также украинским психологом В. А. Роменцом, изучавшим одесский архив С. Л. Рубинштейна, и автором настоящей книги, изучавшим ранний период творчества С. Л. Рубинштейна 1910–1920-х годов (по московскому архиву, хранящемуся в Государственной Ленинской библиотеке), отмечаются факты первого этапа его жизненного пути: отказ царя на прошение С. Л. Рубинштейна разрешить ему поступить в Московский университет (это было запрещено лицам еврейского происхождения), а также нежелание самого Сергея Леонидовича поступить в Одесский университет, который он в своих дневниках называет «кулачьим», и отъезд в Германию, где он, слушая лекции в Берлинском, Фрейсбургском, Марбургском университетах, получил свое образование. Его учителями и наставниками становятся «патеры» Марбургской школы Г. Коген и П. Наторп. В 1914 г. он защищает и публикует свою докторскую диссертацию на тему «Eine Studie zum Probleme der Methode». Уже в ней он вступает в полемику с основными канонами Марбургской школы (Абульханова, Славская, 2010).

[7] 1. Эта работа, изложенная в 4 объемных тетрадях, расшифрована К. А. Абульхановой только частично и опубликована. Большая часть работы до сих пор не расшифрована (и не опубликована) в силу ряда трудностей. Однако К. А. Абульханова, зная способность своего учителя излагать целостную систему, справедливо представила этот текст как емкое изложение всей концепции. По этой причине мы при цитировании опираемся на текст С. Л. Рубинштейна, опубликованный К. А. Абульхановой (Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы, 1989. С. 19–20).

4) Когда объектом моего воздействия становится другой человек, задача в том, чтобы через мое воздействие на него, преодолевающее его отчужденность, негативную независимость при всех отношениях данности, вызвать его к самостоятельному бытию; для этого нужно, ломая и в условиях его существования, и в нем самом то, что искажает его человеческую сущность, таким образом утверждать его бытие. Это то бытие, в котором осуществляется его собственная сущность, но он обретает ее через меня (и в какой-то мере я – через него)[8].

5) Бытие субъекта: оно в этом действии не только проявляется, но и формируется; сама сущность его не только реализуется, не только формируется и развивается, но и изменяется (искажается или поднимается на высшую ступень). Расхождение (и схождение) сущности и ее осуществления раскрывается через *действие субъекта* (курсив мой. – *А. С.*) в виде долженствования, которое реализуется волей человека, поскольку она общественная воля.

Принцип усиления моим действием бытия другого субъекта по существу аналогичен идеальному отношению познания к объекту. Подлинность бытия объекта – не в его внешней данности и независимости в этом смысле от познания, а в закономерности, „обоснованности" субъектом его содержания. Поэтому, когда познание взрывает независимость от субъекта, внешнюю данность объекта, он (объект) в этом процессе познания, проникающего в свой предмет, не теряет, а обретает свое подлинное бытие. Таким образом *теория познания и теория действия исходят из того же принципа* (курсив мой. – *А. С.*). К тому же сам процесс познания своими истоками и результатами включается в процесс действия» (Абульханова, 1989, с. 19–20)[9].

Кроме этой рукописи, своеобразной «аннотацией» Рубинштейна всей своей философской концепции является статья 1922 г. «Принцип творческой самодеятельности».

Итак, уже в своей самой ранней работе С. Л. Рубинштейн раскрывает категорию человека как *субъекта* в *триаде* его отношений с бытием – этического, познавательного, деятельностного, т. е. отношений к другому человеку, к объекту познания и деятельности как преобразующее бытие отношение. Последовательность рассмотрения этих отношений начинается не с познания, а именно с этического отношения.

Во-первых, это навеяно идеями Марбургской школы, прежде всего Г. Когена. Идеи рубинштейновской философской системы в скрытом виде заключены и в его статье, посвященной Г. Когену в ее собственно философской и этической части. Последний, развивая кантовский нравственный императив и принцип автономии в этике, создает концепцию этического социализма. Подробный анализ этой концепции и ее критическая интерпретация дается в специальной статье С. Л. Рубинштейна «О философской системе Г. Когена», написанной позднее.

Во-вторых, Рубинштейн разрабатывает онтологическую концепцию. В ней он *сразу* реализует *монистический* подход к человеку как субъекту. Триада же его отношений, кроме того, начинается с этической проблемы, потому что в этической концепции Когена отсутствует главное – характер отношения к другому человеку, а именно любовь как деятельностное позитивное поддержание, усиление его сущности. Если Коген в конце концов сближает субъекта с юридическим лицом, а его деяние – с правовым, то Рубинштейн не только не обедняет этическое, сводя его к законодательному праву, но наполняет его нравственно позитивным – помогающим другому действием, заботой о достижении другим своей истинной сущности.

Критика Когена в подробном развернутом виде представлена Рубинштейном в статье «О философской системе Г. Когена», посвященной проблемам познания, логики, научного

[8] 2. На полях: «Отсюда развитие педагогики иного стиля: формирование человека через отношение к нему, воздействие на него».

[9] В статье К. А. Абульхановой в сборнике «Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы» (М., 1989) впервые цитируются отрывки из ранних философских рукописей С. Л. Рубинштейна. К их числу относится отрывок на с. 27–28.

познания и этики[10]. Коген, согласно Рубинштейну, ставит своей задачей возрождение кантовской системы, но, кроме ее решения, он восстанавливает «основные мотивы идеалистических систем послекантовской философии, особенно… фихтевской и гегелевской, вплоть до фихтевского понятия порождения» (Рубинштейн, 2003б, с. 431–432).

Не воспроизводя всех сложнейших ходов рубинштейновской мысли, содержащих критику когеновской системы познания, сводящейся к тезису о порождении мыслью содержания бытия, отметим лишь те основные понятия, которые С. Л. Рубинштейн, вскрывая их приемлемую когеновскую трактовку, впоследствии сам разрабатывает в собственной концепции. Это понятие «конструктивности» самого содержания мысли, соотношения понятий «логика» и «онтология», а также – главное – соотношение понятий «логика» и «наука». Последнее чрезвычайно важно в плане раскрытия логики развития концепции С. Л. Рубинштейна: он строит не замкнутую в себе философскую систему познания, поскольку ему не удается вскрыть адекватное соотношение познания и бытия, а рассматривает последнее, отправляясь от познания, которое осуществляется наукой (*всеми* науками, которые неслучайно привлекали его внимание, не акцентируя их различий как гуманитарных, точных и социальных), а акцентируя непосредственность их выхода в действительность, бытие в его многообразии. Здесь лежит ключ к пониманию исследовательской логики всего дальнейшего научного пути С. Л. Рубинштейна: опоры на психологию как научную основу доказательности своей философской системы. Это положение он формулирует как свой вывод из критической интерпретации когеновской теории. Он пишет: «Лишь в систематическом единстве познания, лишь в единстве логики и науки обосновывается познание в науке и научность всего познания» (там же, с. 442).

Вторая часть статьи посвящена критическому анализу *этической* системы Г. Когена. Очевидно, что обращение С. Л. Рубинштейна к этическим проблемам началось гораздо раньше, и не только в период освоения идей Марбургской школы в студенческий период, а еще в юношеском возрасте при его осмыслении идей российской философии, идей Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, российского экзистенциализма. Но в данной статье – при неприятии когеновской этической парадигмы – прежде всего осуществляемого Когеном сближение этики и права, этики и закона, Рубинштейн, считая эпицентром этического самого человека, субъекта, опять-таки и в своей этике (о чем свидетельствует далее приводимое нами содержание его «ранних рукописей» и статья «Принцип творческой самодеятельности», 1922) использует термины, понятия, присущие когеновской этике. Это понятия «субъект», его «нравственные поступки» и «нравственные деяния», «свобода». Но в отличие от формализованной, т. е. построенной на сближении этики и закона, когеновской концепции, Рубинштейн формулирует здесь свою позицию: «Этический субъект самоопределяется, и, самоопределяясь, он впервые осуществляется в своих деяниях. Но этическое деяние человека *предполагает другого человека как другой этический субъект.* Потому что этическое деяние существует только в отношении к человеку как к *личности* (курсив мой. – *А. С.*)… Деяние есть лишь в отношении человека к человеку, и в отношении человека к человеку есть только деяние. Итак, *деяние предполагает другого человека.* Но субъект для своего самоопределения и самоосуществления *предполагает деяние…* Самооопределение делает абсолютно очевидным, что этический субъект не есть изолированный индивидуум, это был бы абстрактный индивидуум, т. е. абстракция, а не индивидуум. Я не существую без другого, я и другой сопринадлежны» (Рубинштейн, 2003б, с. 446–447). Эту идею С. Л. Рубинштейн излагает в своем последнем труде «Человек и мир», раскрывая ее конкретно в отношении человека к «ближнему» и «дальнему». Но здесь присутствует и другая – более общая идея, которая не найдет своего развития и даже воспроизведения в последнем труде, – идея о том, что этический субъект самоопределяется в своих отношениях не только к другому, но к людям, «к человечеству как совокупности и единству всех

[10] Детальный анализ этой статьи, проделанный при работе с архивом, представлен в дипломной работе автора.

людей» (там же). В статье о Когене это единство раскрывается в религиозном монотеизме – единстве человечества как единство Бога, что было, по-видимому, неприемлемо для мировоззрения С. Л. Рубинштейна, как и когеновская идея социализма, построенного на этической основе. В «Человеке и мире» в разделе «Этика и политика» он прямо пишет, вероятно уже не рассчитывая на то, что этот его труд увидит свет, что идеология социализма бесчеловечна, т. е. она отрицает всякое этическое основание. Однако, кроме этих мировоззренческих категорий и суждений, в данной статье есть еще одно – более конкретное понятие, которое затем выйдет в круг идей о единстве этики и психологии, проблем воспитания. Это понятие „задачи", которую «каждый субъект в каждом деянии должен разрешить вновь» (Рубинштейн, 2003б). И это понятие, будучи обобщено, войдет и в определение субъекта не как представляющего собой нравственное совершенство, а как человека, постоянно решающего широкий круг жизненных задач (К. А. Абульханова)[11].

Не менее существенно в рубинштейновском понимании его определение этического как *деяния* субъектом *добра,* а не просто как созерцательного отношения к другому человеку. Здесь важны и *действенность* этического отношения субъекта, и одновременно *связь* с деятельностью *как таковой.* Затем она выступает как самостоятельная категория во взаимодействии субъекта с миром. Рубинштейн не умозрительно утверждает их единство, а раскрывая *онтологию* этического и всех остальных отношений и проявлений субъекта.

Первоначально – в ранних рукописях – С. Л. Рубинштейн включает в этическое и *эстетическое* отношение (к другому человеку), понимая его красоту как *совершенство,* совершенность сущего. Он пишет: «Эстетическое – первый пласт в построении совершенного сущего. Красота – его (сущего. – *А. С.*) совершенство в организации физико-душевного, которое, как и совершенство в душевно-духовной области – добро, есть *совершенство организации.* В нем выражается основная его *онтологическая* закладка и структура, повадки, темп и ритм и архитектоника пластики человеческого существа… Красота – абсолютная завершенность бытийности» (Абульханова, 1989, с. 23, см. сноску 9; курсив мой. – *А. С.*). Соединяя нравственное и эстетическое отношение, Рубинштейн пишет: «Нравственное деяние не обозначает пользу или счастье человека, оно должно дать *бытие* человеку. Любовь есть созерцание и утверждение совершенства» (там же).

В этом небольшом отрывке Рубинштейн своим слогом, обозначая проблемы жизни, формулирует глубочайшую философскую идею. Казалось бы, он пишет о человеческом общении, о любви к другому человеку – о чувстве. За этим чувством, за поверхностью или глубиной человеческих отношений он выводит на свет главное – их *реальность.* В отношениях субъекта к другому человеку он видит не лежащую на поверхности их обыденность: субъект способен

---

[11] Завершая анализ статьи Рубинштейна «О философской системе Г. Когена» (В кн.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. М. – Спб. – Нижний Новгород и др., 2003. С. 428–451), можно добавить несколько слов в связи с нашей с О. Н. Бередихиной дискуссией о дате ее написания и публикации. Я, впервые ознакомив философско-психологическое сообщество с этой статьей в 1989 г. в коллективной монографии «Применение концепции С. Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии» (1989), высказала предположение, что статья написана к 80-летнему юбилею Г. Когена, который родился в 1842 г., т. е. в 1922 г., ссылаясь и на то, что в том же году была опубликована и статья М. И. Кагана «Герман Коген», явно приуроченная к этому юбилею. О. Н. Бредихина же полагает, что статья была написана в 1918 г., когда не стало Когена, и приурочена к его кончине. В соответствии с этим Бредихина самостоятельно, значительно опережая академическое издание, публикует статью Когена в «Историко-философском ежегоднике» 1994 г. Сегодня представляется, что продолжение этой дискуссии бесполезно, поэтому уже в 1997 г. при публикации этой статьи в книге С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» мы не стали отвечать на соображения Бредихиной. Но, зная достаточно детально обстановку в Одессе в 1918 г. (см.: Абульханова, Славская, 2010), трудно предположить, что С. Л. Рубинштейн в этот период мог столь глубоко, детально писать о концепции Г. Когена. Даже если допустить, что он мог написать статью, несвоевременно было в разгар революции публиковать ее. Близость идей и понятий статьи о Когене со статьей 1922 г. и оптимистичность в воссоздании образов своих первых и любимых наставников – Н. Н. Ланге и Г. Когена – свидетельствуют о том, что, скорее всего, все три статьи – «Принцип творческой самодеятельности», «О философской системе Г. Когена» и некролог на смерть Н. Н. Ланге – написаны в 1922 г. как своеобразная трилогия, в центре которой – концепция С. Л. Рубинштейна «Принцип творческой самодеятельности», критическим контекстом которой служат психологическая концепция Н. Н. Ланге и философская концепция Г. Когена.

реально *изменить* другого человека. Не просто осудить или одобрить его, не просто поддержать или повлиять. В жизни часто обсуждается вопрос: можно ли и нужно ли изменить другого? Здесь же – не изменить (как ты считаешь нужным), а постичь *сущность* другого своим отношением, своей любовью укрепить лучшее в человеке, *усилить его сущность.* Здесь видна прямая аналогия с деятельностью, которая не идеально, а *реально изменяет* действительность. Но за этим деянием по отношению к другому человеку раскрывается фундаментальнейшая мысль: все – и человек, и его деятельность, и его отношение к другому – *реальность.* Философски это означает утверждение *онтологии, объективности* человека как *субъекта.*

«Поступки мои, – пишет он далее, – и выражающееся в них мое отношение к другим людям (составляющим их внутреннее содержание) ставят других людей в новые условия и новые отношения ко мне (другим людям) – таким опосредственным образом обуславливают изменение жизни, деятельности и отношений других людей, через эту изменяемую их деятельность происходит дальнейшее формирование людей… При этом в формировании как моем, так и другого человека, в процессе моего воздействия на него и его мной обусловленных деяний речь идет о диалектике сущности и ее осуществления (причем в процессе своего *осуществления сущность не только осуществляется,* но и изменяется: то искажается, то переходит на другую – высшую – ступень, в более совершенную сущность)… Любовь – когда человек в своей индивидуальности становится для меня завершенной *реальностью,* перестает быть только частью среды, одним из элементов или определенных величин мира, а выделяется как самостоятельная реальность, как завершенное совершенное в себе бытие» (там же, с. 23–24; курсив мой. – *А. С.*).

Таким образом, уже на самом первом, самом раннем этапе своего творчества Рубинштейн создает совершенно *новую онтологическую концепцию.* Она противостоит абсолютизации сознания, духа как неких, говоря современным языком, виртуальностей, существующих в отрыве от человека. Ядром его концепции является субъект – деятельный и этически действенно относящийся к другому человеку. Это новая *интерпретация* философской антропологии, традиционно раздробившей человека на отдельные качества и, главное, лишающей его собственного бытия и способности реализовать в бытии себя, свою сущность и сущность другого.

Много лет спустя совместно с Е. В. Гордиенко мы провели исследование (под руководством К. А. Абульхановой) так называемых экспектаций, т. е. личностных *ожиданий* отношений со стороны других людей, представлений о том, как относятся ко мне (к данной личности) родители, дети, друзья и т. д. Эти представления, конечно, у многих отличались от того, как реально относились ко мне эти люди. Это были мысли, т. е. идеальные представления об их отношениях, но не реальность последних. Одни типы личностей предпочитали относиться к другим в соответствии с этими своими представлениями, не затрудняя себя выяснением реального отношения – иногда простого, иногда сложного, иногда дружелюбного, заботливого, иногда негативного, завистливого, иногда равнодушного – их отношения к себе на *самом деле.* И тогда фактически сами относились к ним как бы «с закрытыми глазами»: их представления расходились с реалиями отношений других. Но задайся они вопросом – как соотносятся друг с другом их мысли об отношении к ним и реальные отношения, они имели бы возможность понять и сущность, характер каждого человека (что он скрывает в своем отношении, чего добивается, что оно ему дает и т. д.). И только так, опосредованно, через осознание соотношения идеального и реального, можно, по-видимому, построить свое отношение к другому человеку, стремясь к идеалу, намеченному Рубинштейном.

Философски здесь речь идет о *сущности* и ее деятельном *осуществлении* субъектом в отношении к другому человеку.

Если недавно, еще находясь под некоторым влиянием Г. Когена, Рубинштейн подчеркивал качество *необходимости,* присущее этическому отношению как универсально-всеобщему,

общественно-законодательному (по Когену), а не активности, то позднее акцент ставится на *творческой* сущности субъекта, воплощающейся в категории «самодеятельности». Соответствует новому взгляду и название опубликованной в 1922 г. статьи «Принцип творческой самодеятельности. К философским основам современной педагогики». В ней Рубинштейн кратко излагает проспект ранее уже раскрытой философской антропологической концепции. Философские концепции человека – философская антропология – давали разорванное представление, отрывали объект исследования от жизни, бытия. Рубинштейн не только ставит человека на его земную основу, не только включает его в бытие в целом (обозначая его понятием «онтология»). Он рассматривает описанные выше отношения человека как реальные, жизненные, онтологические. Так он соединяет онтологию как учение о бытии в целом и философскую антропологию – учение о бытии человека, который живет, реально относится к людям, действует. В этом заключается его специфическое человеческое бытие. Для его характеристики он преимущественно пользуется не столько понятием онтологического, сколько – *объективного.* Одновременно он конкретизирует понятие субъекта.

Если в ранних рукописях Рубинштейна в центре стоит проблема человека как субъекта в его *отношениях* к действительности, то в данной статье[12], продолжая отстаивать эту концепцию и глубже раскрывая смысл категории субъекта, он ставит акцент на *другую зависимость.* Здесь речь идет об *исходящих от субъекта деяниях и отношениях* к миру, и одновременно в данной статье он подчеркивает и *обратную* зависимость: *влияние его деяний на субъекта.* «Но если субъект лишь проявляется в своих деяниях, – пишет он, – а не ими также сам созидается, то этим предполагается, что субъект есть нечто готовое, данное до и вне своих деяний и, значит, независимо от них» (Рубинштейн, 1922, с. 153). Итак, во-первых, Рубинштейн выступает против того, чтобы оторвать от личности ее деяния – ее действия. Во-вторых, он продолжает «видеть в деяниях только проявления субъекта, – отрицать *обратное воздействие их на него* – значит, разрушать единство личности… Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них *создается и определяется»* (там же). Говоря о субъекте, он видит его воплощение в личности большого художника – творца, работающего над своим творением. «В творчестве созидается и сам творец» (там же, с. 154; курсив мой. – *А. С.*). В данной философско-психолого-педагогической работе речь идет о субъекте, его деятельности, о личности, ее проявлениях в действиях и о *ее развитии.*

Категория субъекта в данной статье включила и направление *исходящей от субъекта* активности, проявляющейся в деятельности, познании, этическом отношении, и *обратное направление* – к субъекту – влияние осуществляемой им деятельности (и других отношений) на его *развитие.* Добавим, что деятельность влияет и на его последующую активность. Рубинштейн обозначил ее как *творческую самодеятельность.* При этом подразумевается, что субъекта развивает: 1) сама осуществляемая (организуемая) им *деятельность;* 2) творческий процесс ее *осуществления;* 3) *ее результат – измененная* этой деятельностью *действительность* (это потребует и нового познания и дальнейшей деятельности); 4) *удовлетворение* субъекта этим результатом как подтверждение его способности. Казалось бы, здесь ставятся сугубо философские вопросы – о субъекте и – крупным планом – о его деятельности. (Напомним, что в «Ранних рукописях» на первом плане было раскрытие этического отношения к другому человеку.) Сам субъект действует творчески, и такая деятельность, в свою очередь, *развивает* не только его способность, но и его самого как творца. Таким образом, С. Л. Рубинштейн последовательно и непрерывно – от одного труда к другому – рассматривает субъекта через его отношения: сначала этическое к другому человеку, затем – *деятельное.* В этой же статье он

[12] В Примечании к статье он пишет: «Размышления об объективности, приводимые в этой небольшой, случайного происхождения, статье, заимствованы мной из главы II „Идея знания“ моей работы. Заимствования эти представляют из себя краткие, но местами текстуальные выдержки. Я поэтому считаю нужным здесь оговорить, хотя и не знаю, когда мне представиться возможность эту работу напечатать» (Рубинштейн, 1922, с. 154).

ищет путь, подступ к третьему – познавательному отношению. Почему – в последнюю очередь? Понять нетрудно: идеалистическая гносеология все свела к познанию, поглотила и субъекта, и его деятельность, и в конечном итоге познаваемый объект. В связи с этим важен онтологический подход к раскрытию объективности познания.

Вся статья, как следует из подзаголовка, как будто в основном посвящена проблемам педагогики, а по существу и проблемам познания, т. е. *передачи знания,* и проблемам воспитания как совершенствования человека. Проблемам педагогики Рубинштейн в этот период и теоретически, и практически уделяет основное внимание в связи с задачами организации высшей школы в Одессе. Он обращается к проблеме *познания* в аспекте обучения и способа усвоения знаний. Ссылаясь на Платона, он пишет: «Знание не сообщается как бы переливанием из одного сосуда в другой, учиться – значит самому у себя находить, овладевать своим собственным познанием» (там же, с. 148). Можно сказать, обнаруживается конкретный субъект познания. Далее учение мыслится как *совместное исследование* (познание): «вместо догматического сообщения и догматической рецепции готовых результатов – *совместное* прохождение того пути, открытия и исследования, который к ним приводит» (там же). Эту же мысль он сформулировал в статье, обобщающей педагогические работы своего учителя Г. Когена. Рубинштейн назвал искусством организации обучения процесс *совместного* познания под руководством наставника, прохождения всего хода его *мысли* (та совместность познания, которую умел организовать Коген). Здесь имеется в виду двоякого рода совместность – учение как прохождение учащимся совместно с наставником процесса познания (а не усвоение готовой мысли) и совместное мышление преподавателя и слушателей [13].

Стоит обратить внимание на то, каким конкретным способом представляет здесь Рубинштейн абстракцию познания. Он включает его в конкретную реальность педагогического процесса. А в этой реальности он рассуждает не об *усвоении* знаний, а именно о процессе познания, осуществляемом субъектом – слушателями, автором и педагогом. Все эти связи он сумел увидеть и раскрыть, рассматривая педагогическое искусство своего учителя. Таким образом, во-первых, познание здесь уже связано с субъектами. Во-вторых, Коген так умел построить процесс учения, что учащиеся получали не готовые результаты авторской мысли, а совместно с ним воспроизводили ход его мысли, т. е. познание осуществлялось как *процесс.* В-третьих, обучая при этом своих студентов умению думать, мыслить, он проходил весь путь авторской мысли совместно с ними. Познание здесь связано и с особыми отношениями субъектов в его процессе.

И на основе этой конкретизации Рубинштейн формулирует альтернативу всей созерцательной, *рецептивной* (термин Рубинштейна) позитивистской теории познания, в которой «объективность знания полагается в независимости его предмета от познания» (добавим: и от его субъекта). Можно сказать, что объективность истины не в независимости от познающего субъекта, а в результате раскрытия *им* в процессе познания *сущности объекта,* поскольку она не совпадает с его эмпирической данностью. Необходимо преобразование субъектом объекта в процессе его познания. «Система, в основу которой было положено пассивное восприятие готовых результатов, копирование данных образов, – продолжает Рубинштейн, – одна лишь бездеятельная и бесплодная рецептивность, должна быть заменена системой, основа и цель которой – развитие *творческой самодеятельности*» (там же). И далее: «На основе творческой самодеятельности субъекта стремится современная педагогика построить процесс и всю систему образования» (там же).

---

[13] Опираясь на употребляемое здесь С. Л. Рубинштейном понятие совместности применительно к познанию (учению), А. Л. Журавлев экстраполировал его на определение деятельности, которая долгое время в психологии рассматривалась только как индивидуальная.

Рубинштейн утверждает творческий характер любого познания – осуществляется ли оно ученым или его учениками, он пишет, что человек «не только объект воспитания, но и субъект, у которого происходит внутренняя *работа* над тем, что он воспринимает». Нетрудно увидеть, что здесь слово «работа» означает «деятельность», тем самым деятельность сближается с познанием, а мысленное, идеальное, в свою очередь, онтологизируется. Итак, основная идея статьи – субъект деятельности, ее творческий характер и развитие ее творца. Деятельность осуществляется и субъектами – студентами совместно с наставником, и учителем, проходящими процесс познания, совместного мышления. Здесь дается и критика рецептивности традиционной дидактики, отрицающей и мысль, познание, происходящие в процессе обучения, и их самих как субъектов. Так Рубинштейн наметил путь к еще более детальному анализу познания, уже как научного, в цикле статей 1920-х годов. Поскольку первый круг идей этой статьи непосредственно примыкает к нескольким другим неопубликованным статьям, посвященным проблемам познания, научного познания, знания, науки, мы проанализируем их ниже. Тем более что, согласно примечанию Рубинштейна, данная статья и несколько неопубликованных составляли главы одной книги.

Как отмечает К. А. Абульханова в комментариях к 3-му изданию фундаментального труда «Основы общей психологии», развитие впервые раскрывается с диалектико-материалистических позиций *в совершенно новом* качестве – не *как поступательное линейное,* где каждая последующая стадия следует из предыдущей, но носящая характер одновременного *обратного воздействия* последующего действия, но не только на предыдущее, а на самого *субъекта* этого действия. Как мы увидим далее, это понимание развития Рубинштейн сближает с понятием функционирования[14], рассматривая самореализацию в деятельности как функционирование некой системы, в которой личность становится субъектом. Заметим, что позднее, в связи с его обращением к марксову понятию труда и его собственной, опирающейся на идеи 1920-х годов трактовке, С. Л. Рубинштейн поднялся к более философскому и обобщенному понятию деятельности. Последнее имплицитно предполагало и то, что не всякая деятельность *развивает* личность, т. е. превращает ее в субъекта. Однако это ограничение, связанное с социальной конкретизацией философской проблемы, отнюдь не снимает принципиального положения Рубинштейна, что в деятельности *возможно развитие* личности. Разумеется, для дальнейшей его теоретико-эмпирической конкретизации требуется выявление того, при *каких* условиях, способах, виде деятельности, какая личность способна в ней развиваться.

Здесь в единстве представлены проблемы: *субъекта деятельности, развития и личности* — все те принципы, которые в будущем Рубинштейн *разовьет как отдельные звенья своей целостной и одновременно разветвленной концепции.* Очень важно отметить именно внутреннюю взаимосвязь идей С. Л. Рубинштейна, представленных в этой небольшой программной статье. А также то, что проблемы познания переключены в контекст задач *педагогики* (чтобы доказать активность познания и совместность субъектов познания). В число важнейших из них входят и задачи *воспитания,* прежде всего морального, нравственного, этического (так протягивается нить к проблеме этических отношений субъекта в «Ранних рукописях»). Личность же выступает и как субъект познания, и как субъект воспитания, и как субъект этический в своих нравственных деяниях, и как субъект *творческой самодеятельности.*

Позже Рубинштейн ввел в психологию как основополагающий методологический *принцип единства сознания и деятельности.* Здесь же проявляется общий философский принцип субъекта в более конкретных отношениях – этического, познания, *деятельности.* Поскольку впоследствии «уравнение» методологического принципа включало только *связь сознания и деятельности,* но не субъекта, можно предположить, что последний сохранился как имплицитный (как уже само собой разумеющийся) в трактовке этой связи. Ведь уже на основе анализа

[14] Принципиально отличным от понятия функции в функциональной психологии.

работ 1920-х годов видно, что Рубинштейн доказал: не сознание является демиургом, субъектом, а в этом качестве выступает *человек, обладающий сознанием.* Однако понятие сознания не является одним из ведущих в 1920-х годах, таким оно становится в единстве с деятельностью в последующие периоды – в 1930-е, 1940-е, 1950-е годы: в 1930-е и 1940-е оно включается в принцип единства сознания и деятельности; в 1950-е годы входит в заглавие монографии «Бытие и сознание» (1957).

Как соотносил С. Л. Рубинштейн понятия сознания и познания? Очевидно, что употребление первого исходило из философской (прежде всего, гегелевской традиции). Идею замкнутого в себе, объясняемого из себя самого *сознания* разрабатывал и Э. Гуссерль, принадлежавший к Марбургской школе, которая сводила все к субъективности. Рубинштейн выдвинул принцип субъекта, который определяется онтологически (объективно) как альтернатива субъекту сознания. Однако в 1920-х годах на первом плане его исследования оказывается *познание,* причем познание, как мы увидим, скорее, не как чисто философская гносеологическая проблема, а как проблема мышления, метода и методологии познания. В поисках метода Рубинштейн отталкивается и от идей Марбургской школы, и от своего желания доказать не фиктивную феноменологическую роль познания, а его «работу», т. е. своего рода субъектно-деятельную сущность.

2. Философское и научное определение познания и методологии наук в концепции 1920-х годов

Анализируя ранний период творчества С. Л. Рубинштейна, мы первоначально исходили, прежде всего, из рассмотрения его внутренней логики и содержания («в себе»), лишь кратко обозначая его роль для последующего – психологического этапа.

К. А. Абульханова провела сопоставление «Ранних рукописей» (1910–1920-х годов) с содержанием последней рукописи, изданной ею в виде монографии «Человек и мир», и доказала принципиальное единство ранней и поздней философской концепции: в этом сопоставлении она охватила преимущественно основное ядро концепции Рубинштейна – человека, субъекта в его отношениях к миру и специфике собственного бытия – жизни.

Мы отмечали, что в «Ранних рукописях» меньше внимания уделяется анализу гносеологического отношения субъекта, его познанию. Это объясняется той задачей, которую ставил перед собой Рубинштейн как первоочередной – реализовать онтологический принцип в философской антропологии. Возможно, тогда ему еще не столь явственно представлялось соотношение гносеологического и онтологического, каким оно показано в труде «Человек и мир» (первая часть которого целиком посвящена гносеологическим проблемам).

Однако с этих позиций обращает на себя внимание то, что в статьях 1920-х годов (в отличие от «Ранних рукописей») проблема познания обсуждается очень детально. Исходя из этого, мы и ставим вопрос: были ли статьи 1920-х годов, посвященные гносеологическим проблемам, *«прологом» первой части «Человека и мира»,* или они имели другую направленность, *служили другим целям.* Если они были «прологом» к монографии «Человек и мир», то почему Рубинштейн не осуществил (как в этой последней монографии) подобного синтеза гносеологических проблем статей 1920-х годов с концепцией субъекта статьи «Принцип творческой самодеятельности» того же периода. Почему последняя оказалась как бы стоящей особняком в ряду других, хотя Рубинштейн прямо указывал, что это главы *одной* книги. И, наконец, вопрос: если статья «Принцип творческой самодеятельности» с очевидностью является предпосылкой развития проблемы деятельности в 1930-е годы (в качестве принципа единства сознания и деятельности), то для чего служат предпосылкой статьи 1920-х годов, посвященные гносеологической проблематике. (Или между ними и проблемами гносеологии в «Человеке и мире» лежит водораздел – «психологическая эпоха» 1930–1940-х годов?) Поиску ответов на эти вопросы и посвящено наше дальнейшее обращение к раннему периоду творчества С. Л. Рубинштейна.

Исследование проблем познания открывается статьей «Наука и действительность» (к основам точного знания) с пометкой «8 авторских листов»[15] и представляет собой проспект *книги,* составленной уже *после* защиты докторской диссертации в Марбурге по возвращении в Одессу. Ее задачу Рубинштейн формулирует так: «…дать работу, посвященную изложению структуры *точного знания* (математики и естествознания) и *отношения его к действительности»* (с. 20; курсив мой. – *А. С.*). Важно отметить, что в *непосредственно примыкающих* к этой статье работах (даже небольших фрагментах): «Заметки по методологии истории и общественных наук», «Размышления о науке», «Программа по логике» – он обсуждает не чисто гносеологические проблемы (и связывает их уже не с усвоением знаний в процессе совместного мышления), а проблемы *научного познания,* соотношение типов знания в *разных науках, развития* наук и научных понятий. Рубинштейна интересует путь – метод познания. Этот круг проблем можно определить не столько *как* гносеологический, сколько *как логико-научный* или *научно-методологический способ научного познания,* осмысления познания как *методологии*

[15] ГБЛ, ф. 642, картон 2, 5.

науки, как методологии *ряда наук.* Обобщая достижения точных *наук* (физики, геометрии и т. д.) и сравнивая последние с социальными науками (в основном – с концепцией К. Маркса и А. Эйнштейна, в известной степени – с идеями Г. Когена), Рубинштейн рассматривает *методологию* науки как методологию *ряда* наук. В этой группе статей исследуется своего рода операциональная «технология», конструктивные особенности и возможности методологии – метод, способ конструирования научных систем через раскрытие *специфических* для них отношений. В этом классе статей *эксплицитно* представлена *методология научного познания.* Здесь гносеологическая проблематика рассматривается не в философском плане как чисто познавательная (как в первом разделе книги «Человек и мир»), а более конкретно как проблематика *научного познания* — его методология. Это определялось и тем, что проблемы научного познания, как известно, были центральными в Марбургской школе – в ее поисках синтеза гуманитарного и точного знания, соотношения *номотетического* и *идеографического.*

Сложность поставленной и решавшейся Рубинштейном задачи определяется ее *двойственностью.* Во-первых, смело было предложить новое философское понимание гносеологического отношения, интерпретируя его как познание *субъекта* в порядке альтернативы и кантовскому, и когеновскому (как ученику и продолжателю Канта). Во-вторых, сложно было использовать те данные современных наук, которые могли бы подтвердить правоту и справедливость такой интерпретации гносеологии. В-третьих, с этих позиций надо было преодолеть кантианское и неокантианское понимание познания *как научного.* Наконец, в-четвертых, для того, чтобы противопоставить свое определение познания ложной субъективистской трактовке познания вообще и научного в особенности, надо было развить и доказать *новое* понимание *сущности научного познания.* На первый взгляд, интерпретация познания как *научного познания* и знания не представлялась собственным следующим логическим шагом в развитии концепции самого Рубинштейна, она, казалось, скорее была навязана с влиянием Марбургской научной школы.

Но тогда было бы логичнее и начать свой творческий путь с развития идей своих маститых учителей Г. Когена и П. Наторпа, лишь постепенно вырабатывая к ним *свое* отношение. Но, как мы видели, С. Л. Рубинштейн начинает с другого – с разработки собственной целостной философско-антропологической онтологической концепции, что свидетельствует о его выходе в более широкий историко-философский контекст, о его знаниях и истории, и современной ему философии. Он выбрал другой масштаб и уровень постановки проблемы.

Уже решив задачу создания новых философских *основ* в «Ранних рукописях», он ставит своей дальнейшей специальной целью найти путь и способ не столько конкретизации, сколько *реорганизации* своей философской системы специально для решения методологических и научных проблем. Он, как энциклопедически образованный, т. е. досконально знакомый и с проблемами современной физики, математики, химии, социологии и психологии, философ видел развертывающееся на его глазах *противоречие взаимодействия и взаимовлияния развития наук и философских* теорий. Используя достижения и видя кризисы современных наук (физики, психологии), он, опираясь на их достижения (принцип целостности, гештальта в психологии, теорию относительности Эйнштейна, политэкономию Маркса как научную систему и т. д.), одновременно интерпретирует их для преодоления кризисов и обеспечения конструктивности научного познания.

Задача, поставленная С. Л. Рубинштейном, – поиск обоснования *перехода* от проблем познания в философии к познанию в конкретных науках – объясняет науковедчески-методологическую проблематику и смысл цикла его статей 1920-х годов и одновременно их роль как основания последующего периода 1930-х годов.

Прослеживая историческую логику творчества С. Л. Рубинштейна, мы предполагаем, что он не просто и не случайно *перешел* от фундаментальной общефилософской проблемы гносеологии к частной на ее фоне проблеме *научного* познания. *Методология* наук, по его убеж-

дению, была тем самым *переходным мостом,* т. е. способом и методом перехода от абстрактно-философского уровня к конкретно-научному.

Методология, по определению К. А. Абульхановой, представляет собой метод, транслирующий, т. е. интерпретирующий, реорганизирующий философскую концепцию так, чтобы она *содействовала* тому, как ставить и решать проблемы конкретных наук. Таким образом, в понятии методологии диалектически «снимается» (согласно гегелевскому понятию «снятия») дифференциация философской теории и метода и устанавливается их единство, которое осуществляется путем *интерпретации.* Методологически *реинтерпретация* (П. Рикёр, В. А. Кольцова) раскрывает ложность философских положений, обнаруживая в них неадекватно установленные связи. Она предъявляет доказательство иного конструктивного способа связей элементов системы познания, открывающее путь к его эвристическому осуществлению в науке.

Впервые С. Л. Рубинштейн в этих статьях рассматривает проблемы *методологии науки* и приводит философское и одновременно науковедческое *различение знания* и *науки,* выявляет соотношение идеального понятийно-логического и действительного объекта исследования, дает определение путей преодоления *эмпиризма* познания, определение развития познания, он прослеживает способы установления им связей понятий и категорий. При анализе наиболее перспективных областей современного ему знания (прежде всего, теории относительности) Рубинштейн выявлял его философско-методологические характеристики, которые подтверждали бы и его определение сущности метода при решении задач конкретных наук, и одновременно *критерии самой науки.* Он ставил задачу проанализировать проблемы собственно *логики науки,* подразумевая при этом не формальные логические законы, а способы установления наукой таких конкретных сфер (объектов) и *таких задач исследования,* которые для них действительно правомерны, являются *необходимыми* и *достаточными,* потому что ведут к открытию *новых* закономерностей, т. е. содержательных научных проблем, а не только оформлению готовых результатов. *Центральной для него является дилемма,* с одной стороны, *универсальность, определенность формул науки* и потому их *неизменность* как знаний, безотносительность и к познавательному процессу, и к получению *нового* в процессе познания, с другой – *развитие* познания, получение знаний о новом, а тем самым невозможность целиком опираться на универсальные готовые логические формулы.

Другой ключевой проблемой становится анализ соотношения точных и гуманитарных наук *в контексте поиска* Марбургской неокантианской школой *единого метода.* Этот круг идей разрабатывается в статьях: «Заметки по методологии истории и общественных наук», «Размышления о науке», «Наука и действительность», из которых последняя представляет два варианта проспекта книги, над которой работал в эти годы С. Л. Рубинштейн, и ее краткое содержание.

В первой же главе – в статье «Наука и действительность» – он ставит проблему *объективности* научного познания «в отличие от субъективности нашего знания», которая обеспечивается, как он это доказывает, *методологически.* Под объективностью он имеет в виду принцип целостности и *завершенности* системы. Свое доказательство он формулирует так: «Наука определяется как система, в которой каждый элемент определен своим отношением к другим элементам системы. *Конструктивность* самого содержания знания выражается в том, что элементы его определяются своим отношением друг к другу. Необходимо изменять не „точку зрения“ на данное содержание, а трансформировать само содержание, как делал Эйнштейн (меняя самые законы), а не как Мах (меняя только существующую на них точку зрения)».

В статье «Наука и действительность» это определение раскрывается через множество проблем, которые и стали впоследствии предметом осмысления С. Л. Рубинштейна. Если речь идет о системе *знания,* то это, согласно современной терминологии, уже совокупность *идеальных объектов,* т. е. теоретических, понятийных, категориальных, в которых объекты самой

действительности *уже преобразованы.* Но чтобы эта система не была чисто абстрактной, умозрительной, как говорит Маркс, представляясь иногда даже априорной конструкцией, первоначально наука должна идти не от изучения действительности в ее непосредственной данности, а от такого целенаправленного восприятия эмпирических явлений, которые уже гипотетически преобразованы так, что в понятиях и тем более в связях, отношениях между ними будет в будущем найдено нечто закономерное. Иными словами, восприятие уже должно быть исследованием, опирающимся на гипотезу, в свою очередь определяющую *метод восприятия.* Теория подтверждается экспериментом, но он же должен привести к теории.

«Однако, какая теория, будучи сама по себе интеллигибельной, обладала бы вечной ценностью. Если бы она была истинной не по ее наблюдаемым следствиям, а только „с точки зрения ее внутренней сущности“, то дальнейший опыт не мог бы внести никаких изменений в нашу веру в ее истинность» (Франк, 1960, с. 99). Это суждение высказано известным специалистом по физике и математике, который, так же как С. Л. Рубинштейн, хотя и с иных позиций, сомневался в конструктивности внутренней сущности самой по себе теории. Фактически приведенное определение системы науки относится скорее к *объектам* ее изучения, когда действительно ученым удается в результате многочисленных исследований установить целостность некоторого объекта – человеческого организма и т. д. Но тогда эта целостность должна доказываться *совокупностью разных исследовательских процедур* – и теоретических, и разнообразных эмпирических, – которые не укладываются в целостную и тем более константную систему. У структуры науки нет аналогии с самой действительностью, ее объектами, хотя она их объявляет фактами. Для осмысления этой проблемы С. Л. Рубинштейн обратился к анализу теорий Г. Когена, Н. Н. Ланге и Э. Шпрангера. Рубинштейн обращается к понятию *системы,* которое в качестве центрального много позже и в совершенно иной интерпретации было разработано Б. Ф. Ломовым в созданном им системном подходе (Ломов, 1984). Понятие системы исторически возникло до Рубинштейна и до ломовского системного подхода, важно, что именно его привлечение наметило пути решения и самой гносеологической проблемы, и *проблемы методологии* наук в целом[16].

Рубинштейн начинает с того, что анализирует подход Марбургской школы в ее стремлении восстановить кантовское учение о познании и признание бытия только в пределах, выявляемых на *первой* ступени познания – в ощущении и восприятии. Он оценивает этот подход как проявление эмпиризма и сенсуализма. Часть работы посвящена критическому анализу метафизического понятия *«псевдознания»,* основой которого марбуржцы считали «рефлексию», а основным методом – *наблюдение.* Рубинштейн доказывает научную несостоятельность такой трактовки, развивая диалектическое понимание соотношения идеального и реального, субстанции и субъекта, сущего и содержания знания. Эта работа свидетельствует о том, что еще в период *освоения* идей Марбургской школы Рубинштейн уже воспринимал их критически с *собственных позиций.* В этих работах Рубинштейн задает новый вопрос: как от *многообразия познаваемой действительности,* открывающегося в научном восприятии, можно перейти к такой *абстрактной* теоретической системе, которая смогла бы – при ее обратном применении для объяснения действительности – *охватить* все это многообразие.

Идея, что теория должна обратно «вернуться» к действительности, являлась новой и кардинальной. Ведь до их пор считалось, что итог познания – само создание теории. В этом смысле теория является *закрытой.* В лучшем случае действительность (обработанная экспериментально) лишь *подтверждала* теорию. Между тем путь от абстрактного (теории) к конкретному – и его эффект – объяснение действительности – есть едва ли не главная функция методологии науки. И именно она обнаруживает ее эффективность, продуктивность, операци-

[16] Не случайно лаборатория, которую возглавил Б. Ф. Ломов во вновь созданном им академическом институте, была названа «Методология и история психологии».

ональность теории. В отличие от Когена Рубинштейн считает, что рефлексия никаким образом не ставит и не решает этой проблемы.

Если в результате познания научная *система* оказывается *закрытой,* то наука как идеальное знание отрывается от действительности: во-первых, она не способна, вернувшись к ней, объяснить эту действительность, во-вторых, *развиваться* далее, в-третьих, закрытость системы знания означает истину в последней инстанции.

Замкнутость научной системы совокупностью отношений, которую Рубинштейн считал главной в «Науке и действительности», им снимается (в гегелевском смысле) раскрытием *способа* связи *теории и действительности в процессе ее познания.* Но это сопоставление подтверждает и выше приведенный вывод, что онтологию как учение о бытии, как его систему Рубинштейн трактует через *преобразование бытия,* действительности субъектом.

У Рубинштейна познание *отправляется* от действительности и *возвращается* к ней для ее объяснения в виде, уже реконструированном познанием.

К циклу работ 1920-х годов относится статья с чрезвычайно существенной для анализа данной проблемы характеристикой концепции Г. Когена (Рубинштейн, 2008, с. 428–451). Ее интерпретацию Рубинштейн ведет в *двух направлениях.* Это соотношение концепции Когена с кантовской и предшествующими ей философскими системами. Здесь выступает филигранность самого методологического анализа, осуществляемого Рубинштейном. Он рассматривает идеи Когена (его основные положения) в их: 1) собственном (аутентичном) содержании; 2) в их отношении (сходстве и различии) с кантовским учением, 3) наконец, давая *свою оценку* их философских последствий.

При сопоставлении критического анализа концепции Когена со своей собственной на том этапе концепции *научного познания, науки, знания* Рубинштейну становится очевидным, во-первых, что *характер* рассматриваемых проблем *непосредственно следует* из круга понятий Г. Когена как его учителя. Это система понятий: логика, содержание, конструирование, наука, познание. Однако, во-вторых, сама *постановка проблемы радикально преобразует* когеновскую. Но это сопоставление подтверждает и вышеприведенный вывод, что онтологию как в целом учение о бытии, как его систему Рубинштейн трактует через *преобразование бытия,* действительности субъектом, т. е. через постоянное возвращение к ней в дальнейшем познании.

Чрезвычайная сложность задачи, решаемой Рубинштейном, состояла в том, что, обратившись к *научному* познанию, он продолжал рассматривать его и с философских позиций. *Преобразование* действительности деятельностью доказывало ее объективность, соответствие онтологическому принципу, ведь преобразование объекта – это его *реальное объективное изменение*. Рубинштейн в связи со спецификой научного познания акцентирует именно *способ преобразования* как научную процедуру – на эмпирическом уровне (в эксперименте) преобразуется объект. Но это не любое, произвольное, а сопряженное с теоретической идеальной его интерпретацией преобразование.

Это положение, хотя и много позднее, подтверждается Дж. Б. Конэнтом, который спрашивает: «Доказывает ли это глупость опирающихся на эксперимент философов того времени?» И сам отвечает: совсем нет, это доказывает только то, что в сложных делах науки люди стараются объяснить разнообразие фактов и объединить их в понятийную схему; одного факта самого по себе недостаточно, чтобы разрешить схему. Понятийная схема никогда не отбрасывается только потому, что обнаруживается несколько неподдающихся объяснению фактов, с которыми она не может быть согласована; понятийная схема или модифицируется, или заменяется лучшей, но никогда не отбрасывается так, чтобы вместо нее оставалось пустое место.

Итак, при анализе научного познания Рубинштейн обнаруживает несколько аспектов объективности: объективность *самой действительности,* от которой отправляется познание и в эмпирической непосредственности, и в данности, но соотнесенная с целями познания; *объ-*

ективность познания как идеально и реально осуществляемого в *исследовании преобразования* действительности и, наконец, объективность полученного *знания. Критерием* объективности последнего для Рубинштейна по-прежнему остается *целостность познавательной системы,* о которой он писал в «Ранних рукописях»: «Все отношения между элементами которой сами суть элементы той же совокупности, так что она замыкается в законченное целое… *объективность,* – продолжает Рубинштейн, – нужно поэтому искать не в независимости от чего-то другого, а в *завершенности* его собственного содержания, и определяться объективность какого-либо комплекса содержаний должна *взаимоотношениями* элементов того же комплекса. Объективно не то, что дано, а то, что *завершено*» (Рубинштейн, 1989е, с. 343; курсив мой. – *А. С.*). Важно дифференцировать определение объективности, которое относится ко *всему* познанию, в том числе к его процессу и способу, и объективность *знания,* полученного в *его результате.* В современных понятиях: научное *познание* процессуально (и в этом смысле не завершено), а *знания,* полученные в его результате, представляют целостную *и в этом смысле* (до определенного времени) *закрытую, завершенную* систему[17]. Из этого не следует иногда высказываемое суждение, что в рамках старого знания новое невозможно понять и объяснить – этим *фактически отрицается преемственность процесса познания.*

Ответ на вопрос о *непрерывности* дальнейшего познания (по отношению к достигнутому знанию) содержится в анализе Рубинштейна различных современных ему концепций, который он осуществлял со своих *новых* позиций. Его методом была такая *реорганизация* соотношений в старой сложившейся системе, которая вскрывала неадекватность их связей (или изменение трактовки ее отдельных элементов), а в новой системе образовывала новое целое, новую *интерпретацию.* Таким образом, определение объективности как завершенности оказывалось *относительным,* не исключая *преемственности* в развитии знаний и непрерывности познания в целом, роли старого знания в познании нового.

Однако с современных позиций понимания концепции С. Л. Рубинштейна, в которой центральное место отводится субъекту, важно отметить следующее. Хотя в цикле ранних статей, посвященных гносеологической – логико-научной, методологической проблематике, субъекту как познающему *не отводится того центрального места,* которое он занимает в статье того же периода «Принцип творческой самодеятельности», но можно утверждать, что он *подразумевается* Рубинштейном. Чтобы сохранить субъекта, Рубинштейн переходит к своеобразному характерологическому его описанию, переходит на личностный уровень, презентируя Г. Когена и Н. Н. Ланге как авторов концепций.

Написание некролога, посвященного Н. Н. Ланге (Рубинштейн, 2003а), было обусловлено потребностью воздать должное человеку, который ввел его в официальные научные структуры в самые тяжелые годы (Абульханова, Славская, 2010). Подготовка же статьи о Г. Когене, учителе, старшем друге, поддержавшем его в труднейшие минуты жизни, ставшем для него образцом исследователя и педагога, руководителе научного сообщества, диктовалась стремлением испытать свой метод интерпретации научной психологической концепции (Рубинштейн, 2003б). Можно считать, что эти статьи явились первым опытом ума, вступившего на почву психологии.

Он не только анализирует их концепции, но и обращается к характеристике их личностей, мышления, их уровня как *мыслителей.* Он так страстно и вместе с тем филигранно представляет движение, устремленность их мысли к истине, а личности – к ее достижению, что не приходится сомневаться в том, что он видит и утверждает их в качестве субъектов, которые не только в своих научных достижениях поднимаются на самые вершины, но и сохраняют в себе огромный потенциал и глубочайшую уверенность в своих возможностях познания, своей силе и способности его осуществить.

[17] Эти знания в современной эпистемологии обозначаются как идеальные объекты.

Сложившаяся проблема завершенности («закрытости») теории и открытие ей дальнейшей перспективы для познания глубоко скрыта в характеристике личностей их авторов. Вопрос, закрыта ли, завершена ли теория, он преобразует в вопрос особенностей личности Н. Н. Ланге, достигшего вершин своих научных деяний. Но, утверждает С. Л. Рубинштейн, достижение вершины не «закрыло» теории, не исчерпало личности творца, тем самым можно читать между строк: его смерть не прекратила дальнейшего развития познания под влиянием его идей. Еще более пронзительно эта мысль проводится в портрете Когена, каким его рисует еще совсем молодой Рубинштейн.

Здесь как бы вопреки возрасту, отметившему лик учителя, утверждается его неуспокоенность достигнутым и, в этом смысле, завершенным. Он в данном случае не от теории, а от самой действительности требует доказательства ее права на *подлинность,* понимая доказательство как деяние науки и ее субъектов.

Тем самым становится еще более очевидным его главный тезис, что включение познающего в процесс познания не только не исключает его объективности (как полагали многие философы), но обеспечивает максимально достижимую уровнем его мышления доказательность, обоснованность, истинность.

Если в центре идей С. Л. Рубинштейна 1920-х годов стояла проблема *методологии* точных, гуманитарных и социальных наук, а также проблема субъекта как собственно философская, то к проблемам психологии он обращается не столько с философских позиций, сколько для того, чтобы выявить ее тенденции развития как процесса познания. С. Л. Рубинштейн *избирает психологию* в качестве науки, анализ которой позволил бы ему доказать правомерность своего подхода к научному познанию. Не случайно предметом его анализа стали две *психологические* концепции: отечественная – Н. Н. Ланге и западноевропейская – Э. Шпрангера.

Психология становится для него плацдармом и подтверждением его философских исканий и доказательством, испытанием их правомерности.

3. Рубинштейновский анализ психологических проблем в работах Н. Н. Ланге и Э. Шпрангера 1920-х годов

Рубинштейн анализирует две статьи Н. Н. Ланге – «Психологические исследования», в которой изложена теория перцепции, и «Теорию волевого внимания», содержащую концепцию воли в пределах ее роли в перцепции и частично освещающую соотношение этой теории и теории эмоций Джемса, критиковавшейся Ланге. В теории перцепции Ланге Рубинштейн находит при всей ее ярко выраженной эмпиричности сходство с гегелевской схемой саморазвития понятия. Ланге считает, формулируя свой «закон перцепции», что она проходит через несколько стадий и «всякая предыдущая его стадия имеет содержание более абстрактное, менее дифференцированное, последующая – более дифференцированное, конкретное» (Рубинштейн, 2003а, с. 453). Иными словами, абстрактное является, как и у Гегеля, *первичным* по отношению к конкретному. Эта стадиальность, по мнению Рубинштейна, – аналог «той картины сознания, которую дает феномен логического и логическая концепция Гегеля» (там же). Здесь же Рубинштейн с интересом останавливается на противоречивости трактовки Ланге *отношений,* которые в перцепции определяют группировку воспринимаемых предметов (Рубинштейн утверждал в своей статье «Наука и действительность», что они определяют сущность системы). С одной стороны, Ланге, подобно Юнгу, стремится исключить отношения, как не вписывающиеся в парадигму эмпиризма. С другой – Рубинштейн находит и *позитивность* в трактовке Ланге отношений, состоящую в том, что они могут быть осознаны еще до того, как осознаны их члены, и делает вывод, что будущая психология мышления должна строиться, *отправляясь от этих положений.*

Анализируя другую работу, посвященную волевому вниманию Ланге, Рубинштейн также связывает ее с позитивными тенденциями новейшей психологии, в данном случае – гештальтпсихологии, которая ограничивает эмпиризм психологии и физиологизм и позволяет обратиться к ее связи с философией. Критика концепции Н. Н. Ланге Рубинштейном минимальна (он, скорее, излагает его идеи) и в силу того, что Ланге явился для него первым учителем в психологии, и потому, что Рубинштейн не хочет связать именно с его именем свои новые идеи. Формулируя задачу будущей психологии, здесь он высказывает собственное *принципиальное положение,* снимающее его прежний взгляд на *закрытость* познавательной системы. Она определяет все акты познания и связи между собой не абстрактных отношений, а в их *зависимости от способов отношений познающего к предмету.* Идея *закрытости* системы преодолевается раскрытием незавершенности *познания объекта.*

До этого он и рассматривал движение познания от действительности к теории и от нее – обратно – к объяснению действительности, т. е. учитывал отношение системы (в свою очередь, складывающейся из взаимно подразумевающих друг друга отношений) к действительности – необходимость объяснять ее многообразие. Но здесь соотношение этой связи системы с действительностью *впервые прямо отрицает ее закрытость.*

Психологическая статья одесского периода «Психология Шпрангера как наука о духе» (Рубинштейн, 1997) написана не ранее 1924 г. Как известно, Э. Шпрангер – немецкий философ, психолог и педагог, основные идеи которого сложились в русле концепции Дильтея, философии жизни в целом, а также учения о ценностях Риккерта (Славская, 1997). Рубинштейн выстраивает сложную систему координат для определения места Шпрангера в философии, культурологии и психологии начала XX в. Очень детально он рассматривает связь концепций Шпрангера и Дильтея. Их работы представляли собой совершенно особое, прежде всего *методологическое направление* в психологии, которое явилось крупной вехой в изменении способов психологического познания в целом.

В. Дильтей в своей «Описательной психологии» (Дильтей, 1924) выразил критическое отношение к ассоциативной психологии, назвав ее метод *объяснительным* и присущим всему *естественнонаучному знанию.* Он возражал преимущественно, как мы увидим далее, *против* принципа движения познания от единиц, элементов к целому. Шпрангер постоянно ссылается на Дильтея в своей статье. Дильтей же интересовал Рубинштейна как антипод Марбургской школы, искавшей *единый* метод для естественнонаучного и гуманитарного знания. Он охарактеризовал *свой* метод как *описательный,* присущий именно только *гуманитарному* знанию, для которого существенны *ценностные* характеристики духовной жизни. Важнейшей характеристикой психологического познания Дильтей считал «переживания».

Отличие его концепции от теории Шпрангера Рубинштейн видит в том, что для него психология является «понимающей», хотя Дильтей называет ее описательной в противовес объяснительной. Шпрангер считает, что только интерпретация дильтеевского понятия «переживание» позволяет раскрыть *смысл,* который и является определяющим целостность системы. На самом деле, раскрытию смыслов способствуют дильтеевские ценностные характеристики. Фактически здесь речь идет не о единстве понимания Шпрангером и Дильтеем методов научного познания, как различающихся в точных и гуманитарных науках, а о различии их трактовок, способов познания *в психологии.*

Однако идею Шпрангера, представившего саму объективность как мир тел, ценностей и культуры, Рубинштейн оценивает как идеалистический отрыв мира значений от природы и смысловых связей от реального психофизического субъекта. Мир объективных ценностей и значений оказывается *замкнутым, закрытым* для познания его смысла субъектом.

Шпрангер поддерживает дильтеевскую идею специфики психологического познания, однако, противореча самому себе, утверждает, что смыслы, а в определении действительности – значения, сближают познание и сознание. Он считает, что дильтеевский метод построен не на «переживании», а на «понимании». Независимо от различий в интерпретации этого метода, их характеристики становятся принципиально *новыми* трактовками *методологии психологического познания* и *знания.* Их новизна, по нашему мнению, состоит в том, что они вводят в познание, несут в себе в какой-то степени новый *принцип включения познающего в познаваемое им явление,* потому что смысл может существовать только для субъекта.

Будучи увлечен проблемой соотношения целого и части в познании, Рубинштейн поддерживает идею Дильтея о *целостности* душевной жизни, в которой укоренено каждое единичное явление. Здесь содержится очень важный, но скрытый (имплицитный) переход от проблемы *метода* познания – от частей к целому и обратно к характеристике самой душевной жизни. Но для Дильтея эта целостность не только связана с методом познания, это характеристика душевной жизни как *объекта* познания. Здесь Рубинштейн чувствует поддержку своего *онтологического* подхода уже к психическому как объекту познания. «Структура этой целостности имеет определенную *архитектонику,* которая держится на внутренних связях, непосредственно переживаемых (Рубинштейн, 1997, с. 162; курсив мой. – *А. С.*). Эта структура «охватывает всю душевную жизнь человека, включая все его стремления, страсти, страдания, всю его судьбу» (там же). Но, начиная анализировать эту целостность, он видит ее *разные* качества: сознательная сфера соотнесена с исторической средой, душевная же структура имеет телеологическую направленность. Далее, по мнению Рубинштейна, дильтеевское противопоставление переживания восприятию и представлению опровергает определение познания как познания *субъектом* независимого от него предметного мира. Также критически Рубинштейн оценивает стремление Дильтея свести объективность познания к непосредственности субъективного переживания. Данная критическая позиция Рубинштейна, в свою очередь, нуждается в *интерпретации.* Определяя переживание как онтологическое бытие психического в его переживаемой целостности, Дильтей не развивает далее проблему его познания – начинается она с восприятия или представления. Здесь нет противопоставления, но присутствует слож-

ное пересечение гносеологической и онтологической проблем. Впоследствии, как известно, Рубинштейн сам указывает в качестве основного предмета психологии «переживание» и «знание», но не как познавательные категории: категория «переживание» является обобщенной характеристикой способа существования психического (Рубинштейн, 1935).

Рубинштейн позитивно оценивает стремление Дильтея изучать душевную жизнь в ее *развитии* и дифференцировать ее *индивидуально-типологические* различия. Критике же подвергается сама трактовка Дильтеем развития, поскольку он, противореча самому себе, своему утверждению целостности душевной жизни, предлагает разложить целостность на абстрактные единицы и изучать неизменные связи между неизменными элементами. Тем самым он приходит к отрицанию развития.

Очень существенно сравнение Рубинштейном дильтеевской и фрейдовской познавательных установок. Дильтей, так же как и Фрейд, хочет познавать личность в ее глубинах, но Дильтей стремится раскрыть ее высшие проявления: душевная жизнь для него – основа, но это не глубинность внутренней жизни, тогда как Фрейд изучает ее примитивные влечения. Кроме того, поскольку Дильтей исходит из мировоззрения как отправного момента для познания психики, он акцентирует психологичность идеологии.

В целом концепцию Шпрангера Рубинштейн оценивает критически как «квазиисторическую», поскольку тот рассматривает мировоззрение в отрыве от реальных исторических условии «реальных общественных основ исторического процесса» (хотя сознание, согласно Дильтею, как будто соотнесено с исторической средой) (Рубинштейн, 1997, с. 173).

Псевдоисторичность воззрений Шпрангера на развитие объективного духа заключается в том, что тот ограничивается распространением на историю *извечных* человеческих ценностей, которые *не развиваются.* Так же подходит и Шпрангер к анализу *онтогенетического* развития. По мнению Рубинштейна, это, как и у Гегеля, является телеологизмом и структурированием индивидуальной жизни, предопределенностью и направленностью развития, так как предопределен его субъект. Направление развития у него всегда константно. Рубинштейн находит основы такой трактовки развития и в аристотелевском понятии развития *как становления.*

Считая, что индивидуальность не может быть предметом науки, Шпрангер вводит понятие *типа* как промежуточное между понятием и реальным человеком. Рубинштейн подробно рассматривает шпрангеровскую типологию, основанием которой становятся не *психологические различия,* а *области человеческой культуры.* Развитие типов оказывается лишь возрождением исторического *прошлого,* несмотря на декларацию чрезвычайной *изменчивости* типов. Так одновременно утверждается и изменчивость, и *константность развития.*

Чрезвычайно важно *сравнение* Рубинштейном *шпрангеровской концепции с марксовой,* к которой Шпрангер как будто бы вплотную подошел. Последний цитирует положение Маркса о необходимости *опредмечивания* человеческой сущности как в теоретическом, так и в практическом отношении, чтобы и очеловечить чувства человека, и создать соответствующий смысл для понимания всего богатства сущности человека и природы. Рубинштейн считает, что эта идея Маркса в трактовке Шпрангера превратилась в безжизненную схему. Он соединил: 1) идейное содержание исторической культуры от реальных общественных основ исторического процесса; 2) смысловое духовное содержание индивидуального сознания от реального психофизического субъекта (там же).

Эти критические суждения Рубинштейна раскрывают его собственное понимание проблемы: «Для того, чтобы понять активную роль субъекта в историческом созидании культуры, нужно было сохранить конкретного реального *субъекта* из плоти и крови, у которого осмысленность соотношений с культурой *была бы не противопоставлена* (*его реальному бытию и деятельности,* а включена в них: для того, чтобы подлинно реализовать ту мысль, что сознание индивидуума определяется объективным содержанием культуры, нужно было бы не превращать это последнее в метафизическую абстракцию, а понять его как исторический про-

дукт *реального общественного развития»* (там же; курсив мой. – *А. С.*). Вслед за критикой С. Л. Рубинштейн высказывает, почти буквально повторяет собственное положение из статьи «Принцип творческой самодеятельности» о диалектике субъекта и объекта, соотношении субъекта с миром: «Из психического развития, – пишет Рубинштейн, критикуя Шпрангера, – у него выпало активное соотношение субъекта с внешним миром, в котором субъект, *соотносясь* с миром и преобразуя его, сам *формируется.* Из развития оказались выключенными всякие элементы „самодвижения", подлинного *развития* преобразующего субъекта» (там же).

Отмечая роль Шпрангера, который пытался понять психическое развитие *из факторов, выходящих за пределы* индивидуального сознания, Рубинштейн подчеркивает, вновь оговаривает позитивность своей идеи, что «это – *реальные* отношения, в которые включена *реальная* личность; они реализуются в поведении, в конкретной деятельности человека» (там же), тогда как у Шпрангера «отношения вообще выпадают из сферы реальности в фиктивную область метафизики» (там же).

Рубинштейн диалектически заключает, что Шпрангером поставлена существенная проблема, но в рамках его концепции ее не удается раскрыть, поскольку для своего разрешения она «требует иных методологических средств» (там же). Попытка Шпрангера ценна, поскольку охватывает *другой масштаб* психологической проблематики, который на современном языке может быть назван собственно личностным, причем личностным не в смысле ее психической организации, а в смысле развития ее сознания *соотносительно с культурой,* с ее областями и формами. Обращение к концепции Шпрангера – радикальный шаг и самого Рубинштейна, в котором видно его стремление на основе концепции субъекта сблизить проблемы психологии с *областью культурологии* позиций.

В статьях рассматриваемого нами периода 1920-х годов – о концепции Г. Когена, теориях Н. Н. Ланге и Э. Шпрангера, а также в работе «Принцип творческой самодеятельности», направленной и на психолого-педагогическую проблематику, – Рубинштейн объединяет как *три разных* направления в главном смысловом центре проблемы *субъекта:* его *познание,* его *деятельность* как *взаимодействие* с миром и *развитие.* При этом развитие субъекта происходит не только в деятельности, но и в выходящих за пределы его сознания сферах *культуры.* Он включается в них объективными отношениями, которые реализует в поведении и деятельности.

Однако Рубинштейн не только очерчивает круг психологических проблем, поставленных отечественной и зарубежной психологией, которые требуют *будущих* решений. Здесь мы видим, как он раскрывает операциональные особенности *методологии.* Так, поскольку речь идет о методологии *наук,* конкретно – психологии, этическое отношение субъекта отходит на задний план. Оно начнет выступать эксплицитно, когда речь пойдет – уже в психологии – о личности и ее воспитании, и много позднее – в философском плане – о субъекте в философии (в работе «Человек и мир»).

Уже здесь – в его анализе концепций Когена, Ланге, Шпрангера и Дильтея – различие методологических принципов выступает достаточно явственно. Эксплицитным является принцип (категория) субъекта, поскольку содержит его определенную концептуальную интерпретацию – объяснение. Точно так же, как мы увидим ниже, эксплицитным явится принцип единства сознания и деятельности и другие принципы, позднее разработанные Рубинштейном. Благодаря им раскрываются *самые общие законы,* характеризующие сущность психического. Методологически они представляют собой не только *знание,* но и *метод, подход,* способ, *ориентирующие* теоретическое и эмпирическое исследование. Имплицитными они становятся тогда, когда ход исследования очевиден и уже не требует методологического обоснования, не объясняется, почему оно осуществляется так, а не иначе. В ряде критических суждений Рубинштейна в адрес тех или иных теорий он не доказывал, не обосновывал, почему они ошибочны, потому что *знал, подразумевал* их позитивное решение.

Статьи о Э. Шпрангере и Г. Когене в своей основной части являются образцом *имплицитной* методологии. Излагая каждое положение автора, Рубинштейн без длительного объяснения, сразу же предельно четко и емко формулирует, в чем ограниченность или ложность постановки той или иной проблемы, а иногда кратко – как она может быть решена конструктивно при *иной* постановке. Очевидно, что при каждой критической интерпретации он уже знает «ответ», т. е. ее *продуктивную* конструктивную постановку или решение. Лишь в конце статьи, как было отмечено, он *эксплицитно* формулирует методологическое положение о субъекте в соотношении с миром, его *творческой самодеятельности, самодвижении и развитии в деятельности.*

Это положение становится *непосредственной основой будущего принципа единства сознания и деятельности.* И здесь находится ответ на вопрос, поставленный выше, почему, анализируя в статьях 1920-х годов преимущественно проблемы методологии *познания,* в 1930-е годы он выдвигает в качестве эксплицитного принцип *сознания* и деятельности. Возвращаясь к вопросу, как Рубинштейн переходит от познания к сознанию, чрезвычайно важно показать, что не исследование идей Шпрангера, в котором контекст анализа расширился, поскольку подключились проблемы смысла и значения, культуры, было *причиной обращения к категории сознания.* Идеи Шпрангера не являлись подсказкой. Чрезвычайно важно то, что в 1920-е годы Рубинштейн анализировал методологию, метод *познания всех* наук, тем самым в известной степени *абстрагируясь от специфики их объекта, предмета.* Когда же он обратился к анализу методологии – метода познания психологии, то он не мог уже абстрагироваться от ее объекта и *предмета.* А им для психологии являлось сознание и более широко – психика. Таким образом, здесь *познание* выступило для него как метод, а сознание – как *объект,* предмет исследования. Это крайне важно обнаружить уже на данном этапе его исследований.

Как отмечалось, *все статьи* 1920-х годов объединяет с «Ранними рукописями» *категория субъекта, являясь центральной.* В статьях 1910–1920-х годов субъект «прорисован» не только абстрактно философски, но и личностно-психологически. Речь идет о блестящих психологических портретах тех двух личностей, которым уже не как ученик, но с глубоким философским пониманием и чувством отдал дань Сергей Леонидович Рубинштейн. Выше о них шла речь в связи с проблемой *завершенности, закрытости системы знания.* Здесь в них соединены личность творца и масштаб его деяний соотносительно со всей жизнью, и личность учителя, способного своей увлеченностью наукой, минуя приемы традиционной педагогики, разбудить и направить мысль и чувства своих слушателей на постижение высоких сущностей философии и науки. Здесь дышит страстью личность человека, не принимающего жизнь и науку как данность, требующего от них *доказательства* своей существенности в силу *собственной способности* ее постичь и изменить ее данность, *превратить* в *лучшее.*

Первый портрет – Николая Николаевича Ланге, в котором критериями субъекта являются его личность как творца в соотношении с его произведениями и жизнью. Рубинштейн пишет: «Среди людей, которые не только живут, изживая себя в процессе жизни, но и творят, воплощая и объективируя себя в каком-либо произведении, немногим удается установить такую счастливую гармонию между своим произведением и собственной личностью, чтобы можно было по уровню и масштабам творения составить безошибочное представление о значительности и истинных масштабах личности их творца. Бывают люди, внесшие значительный вклад в науку или какую-либо другую область духовного творчества, в жизни которых их произведения были высочайшими вершинами, на которые сами они поднимались лишь в редкие минуты наибольшего напряжения всех своих творческих сил; вся остальная их жизнь, в которой и складывалась, и проявлялась их личность, протекла на значительно более низком уровне. В свое произведение они вложили все, что было в них значительного, подходя к ним, сразу чувствуешь, что в них творение исчерпало творца. Но встречаются и другие – люди, в которых всегда чувствуется какая-то не сполна еще реализованная возможность, какая-то сила, кото-

рая не исчерпала себя в действии и которой не измеришь произведенной ей работой» (Рубинштейн, 2003а, с. 452).

Множество линий и планов заложено в этом обобщенном портрете Николая Николаевича Ланге. Этот портрет важен также для современной психологии и акмеологии. В нем содержится квинтэссенция проблем личности как субъекта, реализующегося в своих деяниях и творениях. Исторически принцип субъекта в 1930-е годы становится имплицитным, хотя он присутствует в «Основах психологии» (1935). С. Л. Рубинштейна, сохраняя свою операциональную конструктивную роль при определении ее предмета. Направленность и самого Рубинштейна, и его коллег на выявление зависимости сознания, психического в целом от деятельности привела к глобализации значения деятельности (в леонтьевском направлении, первоначально близком рубинштейновскому, это проявлялось до такой степени, что деятельность «вытеснила» самого субъекта)[18]. С. Л. Рубинштейн же прямо пишет о невозможности исчерпать личность ее деяниями, «измерить» ее произведенной работой, хотя диалектически подчеркивает то, что деяния и поступки формируют самого творца.

И дополняя эти мысли, развивает их еще во множестве других направлений в набросанном (немногими годами позже) столь же кратком и емком портрете личности Г. Когена. Субъект, творец здесь предстает как непосредственный выразитель своей мысли не только в своих произведениях, не только в своих текстах, но и в содружестве – в *совместном* интеллектуальном поиске истины со своими учениками.

Другими словами, но почти буквально повторяется мысль о соотношении произведения и его творца, что и в некрологе Н. Н. Ланге. «Всякая творческая *работа,* в особенности когда она, как в философии, захватывает самые глубокие проблемы бытия, – пишет С. Л. Рубинштейн, – и самые основные интересы личности, стремится поглотить в себе и исчерпать все личное в человеке. Нужна была индивидуальность большой силы, чтобы при той огромной творческой работе, которую совершил Г. Коген, сохранить такую импульсивность и такой живой и непосредственный интерес ко всякой другой личности» (Рубинштейн, 2003а, с. 449; курсив мой. – *А. С.*). Трудно найти поэтический стиль, чтобы воспроизвести живое единство глубокой мысли, страстной и одновременно сложной речи и фантастического влияния на слушателей монолога Когена, каким описывает его Рубинштейн. «И поэтому, даже когда они не вполне понимали, они переживали вместе с ним его мысль» (там же, с. 450).

И двумя штрихами очерченная его внешность сейчас же переливается в абрис характера: «…и смягченная непреклонная голова с выражением, не менее отчетливо, чем его книги, говорила о том, что это был человек, не склонный признавать все данное в силу одной лишь его *данности,* всегда готовый потребовать у всего, что ему *представлялось* как данное, чтобы оно *отдало отчет* в своем *праве* на бытие. Быть может, не человек, той со всем примиряющейся терпимости, которая обретает вершину философской мудрости в какой-либо „точке безразличия“, и, наверное, не человек, который мог бы признать „совпадение противоположностей“, в особенности если это были противоположности нравственного порядка. И в этом человеке, столь далеком от того, чтобы признать разумность всего действительного, жил настоящий оптимизм. Не тот оптимизм настоящего, который всегда доволен всем, что есть продукт малодушия – внушения слабости, которая должна довольствоваться тем, что есть, потому что *не в ее силах создать что-либо лучшее.* И нет у нее мужества что-либо отвергнуть и осудить, а тот оптимизм будущего, неотлучный спутник всякой большой творческой силы, которая верит, что все будет хорошо, потому что *она сделает так,* чтобы *все стало хорошо,* верит, потому что по собственному творческому опыту знает, *сколь* много еще лежит в сфере ее *достижений»* (там же, с. 451; курсив мой. – *А. С.*).

[18] На этой позиции А. Н. Леонтьев (и его школа) так и остался, о чем свидетельствует его последняя книга «Деятельность. Сознание. Личность» (1975).

И если в портрете Николая Николаевича Ланге осью личности выступает триада: творец, его жизнь, труды, деяния, вершины творчества и неисчерпаемость в них его личности, то в портрете Германа Когена – его педагогический дар, интегрирующий мысль, речь и вольное и невольное вовлечение слушателей в живой процесс мышления, его личность бунтаря, не признающего лежащего на поверхности жизни, требующего от нее доказательства права на подлинность, и оптимиста, не извне черпающего творческую, человеческую, жизненную силу, а знающего ее в себе, знающего за собой способность изменять жизнь к лучшему.

И трудно представить себе, что такой глубиной постижения человека-творца и такой способностью соединить и выразить все грани этого постижения – его устремлений, способностей состязаться с жизнью за лучшее в ней, оптимизма и неисчерпаемости в своих творениях – мог обладать 30–35-летний человек.

Его мысль «разоблачала» всю схоластику, безжизненность философской и психологической эмпирической мысли, и философски, и психологически он осмыслял человечность жизни и творческую неисчерпаемость личности.

* * *

Можно сделать вывод о том, насколько существенно проведенное уже в этот ранний период творчества С. Л. Рубинштейна разграничение между *процессом научного познания* как непрерывным, поступательным и *знанием* как его *результатом* со строгой определенностью его внутренних связей, придававших ему качества *целого, завершенности.* Но, на первый взгляд, это закрывало путь к дальнейшему познанию. Замкнутость отношений в целое, систему как бы прикрывало пути и не только к дальнейшему познанию, но и к самой *познаваемой действительности.* Это первоначально составляло противоречие концепции познания С. Л. Рубинштейна. Но, поставив вопрос о соотношении конкретного в действительности (и его многообразия) и абстракций, которые должны охватить и объяснить его, он осуществил в статьях и монографиях 1930-х годов *прорыв* этой завершенности – открыл основное для познания: отношение субъекта к объекту, действительности. Это стало ключевым и для характеристики познания как *процесса,* и для понимания его результата – того, что *знание,* представляя идеально как будто бессубъектную систему, является объяснительным именно в силу ранее осуществленных *субъектом преобразований* действительности.

Этот философский вывод привел Рубинштейна к определению дальнейшего направления своих творческих исканий. Он обращается к психологии как науке, с одной стороны, наиболее близкой философии, сравнительно недавно отпочковавшейся от ее «древа», с другой, уже накопившей определенную совокупность знаний, но требующей не только получения новых, сколько *реорганизации* ее методологических оснований для дальнейшего научного исследования. Он увидел в психологии *модель науки,* наиболее явственно воплотившей все поднятые им самим и обнаруженные в предшествующих концепциях философско-методологические проблемы. Вместе с тем именно в ней он увидел возможность уже не только на философском уровне, но и на уровне конкретно-научном (следовательно, его методами) исследовать *субъекта – эпицентр своей философской системы.* Он распознал в психологии науку, реконструируя и развивая которую на *новых основаниях* он сможет доказать правомерность своей философско-антропологической концепции и выявить, исследовать все реальные экзистенциальные качества субъекта, определенного им как сущностность онтологической системы.

Глава II. Определение методологических принципов, теории и методов исследования психологии и презентация ее системы как науки

1. Философские основы методологии отечественной психологии в статье С. Л. Рубинштейна «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса»

В отличие от большинства ученых, которые лишь постепенно определяют направления своего творческого пути, двигаются от отдельных идей, набросков к созданию зрелой концепции, С. Л. Рубинштейн, как отмечала К. А. Абульханова, уже в своих самых ранних работах выстраивает целостную оригинальную философскую систему, сразу достигая своей первой вершины. Именно с ее высоты он смог раскрыть сущность методологического кризиса психологии (разрыва и противопоставления сознания и поведения, деятельности), выявить, какие именно идеи марксовой философской концепции являются методологически конструктивными для решения задач психологии и, наконец, построить на *новой философской основе* новую систему отечественной психологической науки. Эту *совокупность задач он решает в 1930-е годы.* Этот период является *второй* «вершиной» творчества С. Л. Рубинштейна относительно раннего (в основном философского) периода его творческой деятельности.

Казалось бы, обстоятельства его жизненного пути – начало его ленинградского этапа – отнюдь не способствовали такому подъему творческих сил. Это расставание с Одессой, расставание с семьей (матерью, младшими братьями), с налаженным укладом жизни, одновременно столкновение с трудностями адаптации к новому суровому климату, к образу жизни столичного города, в котором само жилище оказалось тесным даже для размещения привезенной из Одессы библиотеки, наконец, с новизной профессионального статуса[19]. С. Л. Рубинштейн приехал в Ленинград со своей женой Верой Марковной и ее сыном. С этого момента Вера Марковна становится до конца своей жизни другом, взявшим на себя груз житейских забот, поддержкой для С. Л. Рубинштейна в испытаниях жизни.

Ситуация в отечественной психологии в целом и в Ленинграде как второй столице России в частности как раз в момент переезда туда С. Л. Рубинштейна являлась идеологически *кризисной* (если под кризисом понимать не закономерный этап развития науки, которое осуществляется через разрешение ее внутренних противоречий, а вмешательство внешних социальных сил в закономерных ход развития науки). Об этом кризисе подробно пишет ученик С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинский (1989, с. 34). Эта ситуация непосредственно коснулась и пригласившего С. Л. Рубинштейна в Ленинград М. Я. Басова, книга которого весной 1931 г. (т. е. буквально через несколько месяцев после переезда С. Л. Рубинштейна) подверглась строгому критическому обсуждению.

Но важно отметить и благоприятные обстоятельства. С. Л. Рубинштейн был приглашен не в Ленинградский университет, а в Педагогический институт им. А. И. Герцена, и он не сразу стал заведующим кафедрой психологии этого института, а первоначально занял должность заместителя директора Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. е. фактиче-

[19] Хотя в Одессе С. Л. Рубинштейн после смерти Н. Н. Ланге заведовал кафедрой психологии, но в силу специфики Одесского университета грань между статусом психолога и философа не была столь явной, какой стала при его переезде в Ленинград.

ски продолжил свою широко развернутую в Одессе налаженную линию библиотечной деятельности. Это дало ему время для осмысления ситуации в психологии в целом и обстановки в Ленинграде.

Он был приглашен М. Я. Басовым, который разрабатывал проблемы деятельности, т. е. был в известном смысле его единомышленником, хотя и в конкретной области педологии (см. подробнее: Barabanchtikov, 2007).

В этой кризисной ситуации большинство психологов, исповедовавших советский вариант марксизма, признавали справедливость идеологических положений, выдвигаемых властью, правительством, т. е. переживали как бы участь подсудимых. С. Л. Рубинштейн в этой острой обстановке по своей инициативе, а не под давлением обстоятельств обращается *непосредственно к учению К. Маркса.* Иными словами, он обращается к марксизму не с целью оправдания, а с творческой целью – раскрыть роль учения К. Маркса для психологии. Он не оказывается в негативной кризисной политически-идеологической ситуации, а поднимается на другой уровень – свободы, раскрывая *позитивные для психологии* методологически философские положения марксовой концепции.

С. Л. Рубинштейн параллельно с вхождением в новую профессиональную обстановку приступает к работе над статьей «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса», которая традиционно датируется 1934 г., а реально, согласно данным А. В. Брушлинского, уже 31 мая 1933 г. была сдана в журнал «Советская психотехника». Датировка важна, чтобы раскрыть содержание статьи, которое традиционно трактуется только как введение в отечественную психологию Рубинштейном нового методологического принципа – единства сознания и деятельности.

Указанная статья содержит в качестве своего основного ядра методологический принцип единства сознания и деятельности, но хотя последний в настоящее время разными отечественными психологами уже неоднократно подвергался глубокому анализу (Е. А. Будилова, А. В. Брушлинский, В. А. Кольцова и др.), он и сегодня может быть рассмотрен в совокупности нескольких, составляющих его сущность аспектов.

Это, во-первых, предпринимаемый С. Л. Рубинштейном анализ кризиса психологии, заключавшийся в разрыве и противопоставлении сознания и деятельности (поведения) двумя ведущими направлениями психологии (психологией сознания как исторически более ранним, имеющим свои философские корни направлением, и психологией поведения – бихевиоризмом). Этот кризис фактически является *проблемой,* которая должна была быть решена для дальнейшего развития мировой психологии. Рубинштейн обнаруживает внутреннюю причину кризиса: парадоксальным образом противоборствующие стороны исходили из *одного и того* же – ложного понимания (интерпретации) сознания.

Обращает на себя внимание и то, что С. Л. Рубинштейн, продолжая развивать свои идеи 1910–1920-х годов, *включает в характеристику этого кризиса,* ограничивающегося противостоянием *двух* позиций, *еще одну составляющую.* Последняя вытекает из его критического анализа идей Марбургской школы и концепции Э. Шпрангера – о связи психики с *идеологией.* Нетрудно понять, что эта связь с очевидностью выступила для него не только как важная теоретически и исторически, но и как актуальная именно в тот период в силу *идеологического давления* на психологию, поэтому составляющими проблемы оказываются *не две* абстракции – идеалистически интерпретированное сознание и отвергающее его поведенчество, а *три* составляющие. «Психология в результате оказалась перед тремя абстрактными конструкциями, своеобразными продуктами распада, получившимися в результате расчленения реального сознания и реальной деятельности живого человека как конкретной исторической личности» (Рубинштейн, 1976, с. 23).

Анализируя способы решения этой проблемы, предпринятые на Западе К. Бюлером, в России – К. Н. Корниловым (предложившим способ внешнего объединения этих абстракций),

он пишет: «В результате такого объединения не может получиться ничего, кроме суммирования ошибок, допущенных синтезируемыми направлениями, – соединения несостоятельной концепции сознания с ложной концепцией деятельности человека и неправильным пониманием отношения психологии и идеологии» (там же).

Это данное им определение *проблемы* включает и те составляющие, которые характеризуют специфику кризиса психологии в России:

1) Попытка его решения путем *непосредственного* переноса, *прямого* применения в психологии любых положений Маркса.

2) При противопоставлении сознания и поведения отсутствие учета их как качеств «живого человека как конкретной исторической *личности*» (там же).

3) Отрыв и сознания, и деятельности не только от личности, но и от *социального* характера условий, в которых она живет и действует.

4) Наконец, в силу этого при характеристике сознания «неправильное понимание отношения психологии и идеологии» (что, как говорилось, отмечалось С. Л. Рубинштейном еще в критическом анализе концепции Э. Шпрангера в 1920-е годы).

Глубочайший парадокс сознания и мышления российских психологов в 1930-е годы состоял, таким образом, в том, что под прямым и, можно сказать, насильственным воздействием идеологии и социальных условий, которые порождали их сознание, они в своих теоретических суждениях исключали последние из предмета своего изучения. Исключением в ряду психологов был в тот период Л. С. Выготский. Он, напротив, сознательно или неосознанно, сегодня сказать трудно, абсолютизировал роль социальной детерминации психики (однако только ее роль как роль культуры в развитии психики ребенка). Его последователи усилили эту абсолютизацию, когда, видимо, на «чаше весов» эта роль перевесила в самой действительности. Но, как отмечала К. А. Абульханова, в известном смысле проводя водораздел между позицией самого Л. С. Выготского и его школой, он подчеркивал роль социальной детерминации как решающую роль *культуры* для развития ребенка, причем в ограниченных пределах.

С. Л. Рубинштейн осуществляет свой критический анализ, обнажая остроту и сущность сложившейся и в мировой, и в отечественной психологии проблемы с *самого начала статьи, еще до* обращения к работам К. Маркса, что свидетельствует о наличии уже *сложившейся у него* философской концепции и о его убежденности в ее методологической пригодности для разрешения кризиса психологии. И кратким «диагнозом» этого анализа является *вывод,* что решение проблемы должно заключаться не в отрицании деятельности при абсолютизации сознания, и не в отрицании последнего при абсолютизации первой, и не в их механическом *синкретическом синтезе,* а в том, *как понимать сознание* и, соответственно, деятельность, и в том, *что* является *основанием* их связи.

Именно с позиций четко сформулированной проблемы он и приступает к анализу и выявлению того, *что* именно из марксовой концепции является *значимым для психологии и для преодоления ее кризиса.*

Очень характерно то (на что особенно не обращалось внимания при анализе этой статьи), что становится очевидным при *сопоставлении* данной статьи с другой, написанной фактически четверть века спустя, – это обращение С. Л. Рубинштейна *преимущественно к ранним рукописям* К. Маркса. В статье, опубликованной в томе «Принципы и пути развития психологии» (1959), это обозначено прямо в самом названии статьи как основная ее тема. В работе 1933 г. это преобладание обнаруживается только в тексте (и в соответствующих сносках).

Лишь осмысляя статью 1959 г. о ранних рукописях К. Маркса и особенно примечания к ней, можно понять, насколько идеологически опасным было такое обращение даже в конце 1950-х годов. Об этом свидетельствует тот факт, что советские философы (за единичным

исключением) обходили ее молчанием. Но парадоксально то, что в 1930-х годах – первого идеологического прессинга психологической науки – это было безопасно в силу железного занавеса, отгородившего СССР от всего мира и, соответственно, от всех критиков, ревизионистов марксизма и антимарксистов, которые в значительной степени опирались на ранние рукописи Маркса. О них советские психологи в те годы попросту не знали, и потому ранние рукописи Маркса, бывшие еще задолго, до 1950-х годов предметом различных интерпретаций зарубежных авторов, не являлись предметом обсуждения российских психологов и политиков.

Для существа дела важно понять и то, в связи с чем С. Л. Рубинштейн обращается *к этой работе.* Именно в *ней* речь идет о *человеке,* которому принадлежит сознание и который осуществляет деятельность, т. е. *об основании связи* сознания и деятельности. В 1950-е годы Рубинштейн открыто вводит *категорию человека* как *основание своей философской концепции,* поскольку ее утратил советский марксизм и неадекватно интерпретировал антимарксизм (и, собственно, философская антропология, имеющая, казалось бы, его своим основным предметом изучения). В 1930-х годах Рубинштейн пока вводит проблему человека как *основание* связи сознания и деятельности, поэтому понятие человека используется в тексте на равных основаниях (без уточнения их различий) с понятием субъекта и личности.

Однако совершенно очевидно, что понятие *субъекта* употребляется в связи с задачей преодоления его гегелевской интерпретации как *субъекта сознания* и одновременно на основе уже созданной в ранних рукописях концепции С. Л. Рубинштейна в противовес гегелевской *онтологической* концепции человека как *бытия субъекта,* обладающего и *сознанием,* и *деятельностью,* и *отношением к другому человеку* как субъекту. Оно употребляется и в контексте проблемы субъекта, поставленной и решенной уже в статье 1920-х годов как проблемы *самодеятельности* и *взаимодействия* субъекта и объекта, в которой решалась как задача *инициации деятельности субъектом, так и обратного воздействия* самой деятельности (и ее результатов) на его дальнейшее развитие.

Благодаря этим *философским основам* в концепции С. Л. Рубинштейна 1920-х годов им «прочитывается» образная мысль Маркса о психологии, для которой пока закрыта книга, которая должна стать ее содержанием как реальной науки, – «книга человеческих сущностных сил, чувственно предлежащая перед нами человеческая психология» (Маркс, Энгельс, 1956, с. 594).

В статье С. Л. Рубинштейна о роли трудов К. Маркса для психологии были решены *две фундаментальные проблемы.* Как отмечала К. А. Абульханова, он сумел извлечь из преимущественно социально-философского и политэкономического наследия К. Маркса именно те идеи, которые были *адекватны требующим решения задачам психологической науки.* В отличие от психологов, пытавшихся применить к психологии даже учение о классовой борьбе, Рубинштейн сумел извлечь из целостной политэкономической концепции Маркса именно понятия сознания, деятельности, труда, опираясь на свою философскую концепцию субъекта деятельности.

Второй – была проблема *реконструкции* сложившейся к этому времени *психологической науки на новой основе.* Эту проблему Рубинштейн начинает решать в данной статье, формулируя в качестве этой *основы* новый методологический принцип *единства сознания и деятельности,* на данном этапе преимущественно раскрывая в этом единстве роль последней как ключевой для психологии.

Решение этой второй проблемы он предложил в двух формах – в создании изданных в 1935 г. «Основ психологии» и в начавшихся под его руководством эмпирических исследованиях, которые должны были послужить проверкой и доказательством *операциональных* возможностей этого методологического принципа. Е. А. Будилова отмечает, что «большие циклы исследований проблем общей психологии, опирающиеся на методологический принцип единства сознания и деятельности, внесли много новых фактов, показали разнообразие и много-

сторонность связей психики и деятельности» (Будилова, 1985). С. Л. Рубинштейн раскрывает следующие связи: 1) между субъектом и его деятельностью; 2) между деятельностью и ее продуктами; 3) между объектом (как предметом деятельности и продуктами – результатами деятельности субъекта) и развитием субъекта; 4) между *осуществлением* деятельности субъектом «в процессе перехода в объект» (там же) и его формированием, а также развитием всего «богатства его чувственности», «природы», т. е. *психологии* (Рубинштейн, 1935).

С. Л. Рубинштейн решает целую совокупность проблем, касающихся соотношения:

1) философского понимания деятельности и социального, политэкономического;

2) понятий деятельности и труда;

3) понятий труда в политэкономии К. Маркса и труда конкретного индивида (для психологии личности);

4) деятельности и труда личности;

5) понятий субъекта, человека, личности.

Другая важнейшая характеристика деятельности дается в связи с понятием *личности.* Это связь деятельности с личностью есть характеристика ее *общественного* характера – ее детерминации социальными условиями, в которых она осуществляется. Поэтому в своих рассуждениях С. Л. Рубинштейн переходит от философских абстракций к изложению от *первого лица:* «…когда *я* объективируюсь в своей деятельности…»; «это относится не только к *моей* практической деятельности» и т. д. Этот переход не случаен. Здесь речь идет об уровне *личности,* т. е. о психологическом уровне анализа, о конкретной форме бытия человека.

Это разнообразие понятий, категорий и их связей чрезвычайно важно для раскрытия сложной *системной характеристики принципа единства сознания и деятельности.* И в нем особенно важен *переход* от *категории человека* и *субъекта* к *понятию личности,* поскольку, кроме *философской* и в силу этого абстрактной характеристики категории сознания, кроме его социально-философской характеристики как *общественного,* важно его *онтологическое* определение, т. е. *реальная принадлежность личности* и в *качестве ее собственно сознания,* и в качестве чувственности, психического. Без этого был бы невозможен переход Рубинштейна от философского уровня, социально-философского (у Маркса) к уровню психологическому, что и составляло его задачу и тему статьи.

Благодаря понятию личности С. Л. Рубинштейн осуществляет решение и другой задачи – критики и преодоления позиции целого авторитетного направления психологии – французской социологической школы Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, которая как будто стояла в стороне от кризиса, состоявшего в противопоставлении сознания деятельности, а по существу, отрывая и противопоставляя сознание как социальное психическому как индивидуальному (идеологию – психологии), тем самым отрицало его *принадлежность личности* и невозможность раскрытия его связи с *ее* деятельностью.

В свою очередь, благодаря включению в проблему кризиса критики концепции французской социологической школы С. Л. Рубинштейн ставит и по-новому решает и *третью* фундаментальную проблему психологии – проблему *развития.* Отрыв идеологии от психологии в трактовке Леви-Брюля реально ведет, согласно Рубинштейну, к отрицанию *развития* идеологии как мышления, поскольку развитие наиболее отчетливо прослеживается в его непрерывности, процессуальности мышления (которая стала основным предметом исследования С. Л. Рубинштейна и его школы – прежде всего, А. В. Брушлинского). В 1950-х годы идеология игнорируется и философски, а реально в силу ее догматизации уже не рассматривается как *умственное развитие человечества.*

Сведение Л. Леви-Брюлем социальности к идеологии ведет и к исключению из его концепции человеческой *практики,* тогда как, подчеркивает С. Л. Рубинштейн, согласно

К. Марксу (уже его позднему произведению – «Капитал»), «социальность, общественные отношения людей не противопоставляются их отношениям к природе» (Рубинштейн, 1935). «Они… включают в себя отношения к природе». И Рубинштейн цитирует определение Марксом *труда* в «Капитале»: «…труд есть, прежде всего, процесс, совершающийся между человеком и природой» (Маркс, Энгельс, Соч., т. 23, с. 188). Крайне существенным здесь является его обращение к понятию *труда.*

Как отметил в своем докладе французский психолог В. Дуаз[20], существует более 200 определений этого понятия, поэтому чрезвычайно важно подчеркнуть, в каких именно основных значениях употребляет это понятие С. Л. Рубинштейн в решении задачи *перехода от философии,* социальной философии и политэкономии к психологии. Первой предпосылкой его определения труда как деятельности является положение Маркса о *человеке* как *природном существе.* Далее, непосредственно природным существом является *личность* (о чем свидетельствует известный анализ Марксом способностей рабочих к труду как природных – силы, ловкости и т. д.), по терминологии К. Маркса, «индивид», осуществляющий труд благодаря своим способностям. Общественная сущность *человека,* общественные отношения людей включают в себя и отношение к *природе,* которая преобразуется их деятельностью. Это, собственно, философский уровень определения труда как деятельности человека, преобразующей природу. Эта *первая* характеристика *труда* конкретизирует философское положение об *осуществлении деятельности субъектом.*

Вторая характеристика – положение об *отчуждении* от *индивида* результатов его труда. Именно в этом выражается *социальная обусловленность* и *индивида,* и его *труда* при некоторых конкретно-исторических социальных отношениях. Принудительный характер труда ведет не к развитию индивида, личности, а к ее деградации. Эта *характеристика труда* относится не к философскому уровню человека, а *к уровню индивида, личности.* Поэтому все характеристики труда на этом уровне уже могут быть *отнесены к психологии,* включены в систему ее понятий и учтены при анализе деятельности личности как труда. Иными словами, рассмотренная в историческом времени и пространстве общественная деятельность развивает субъекта, совершающего опредмечивание и распредмечивание (или присвоение) предметной действительности, но в конкретно-исторические периоды в социумах определенного типа происходит уже не опредмечивание, а *отчуждение* от личности, понимаемое не в гегелевской, а в марксовой трактовке, т. е. «частная собственность искажает и опустошает человеческую психику» (Рубинштейн, 1976, с. 36). Итак, вторая характеристика труда, *собственно социальная,* вскрывает *тип детерминации труда индивида, личности общественными отношениями.*

И, наконец, *третья,* важнейшая, данная С. Л. Рубинштейном характеристика *труда* (и общественных отношений, в которых он осуществляется) заключается в утверждении, казалось бы противоположном второму: его воздействие на развитие, «формирование психики осуществляется лишь *опосредованно* через *личность»* (там же, с. 38).

Эти три характеристики труда охватывают *разные уровни* собственно проблемы *связи сознания и деятельности:* философский, социально-философский, политэкономический, общественный и индивидуальный. Они относятся не к разным аспектам проблемы, а составляют *сущность ее диалектического решения* в психологии, так как *труд:* 1) осуществляется природными способностями личности; 2) *отчуждается* от нее, приводя к их деградации; 3) оказывает воздействие на личность, *развивающее* психику и сознание (или деформирующее их в зависимости от самой личности), поскольку общественное воздействие *опосредовано* личностью, осуществляющей деятельность (труд).

[20] См. доклад французского психолога В. Дуаза на конференции, состоявшейся в ИП РАН в 1995 г. и посвященной концепциям Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна и С. Московичи.

Однако то, что благодаря марксовой характеристике труда Рубинштейна удается выйти на личность, не означает, что труд в принципе перестает быть социально-философской категорией и явлением. То, что на философском уровне являлось *деятельностью человека,* выступая на социальном уровне в качестве труда, на уровне психологическом в основном являлось *деятельностью личности.* И хотя социологический подход к личности распространяется и на необходимость и ее способность осуществлять труд, это не значит, что на психологическом уровне труд оказывается *доминирующей* по отношению к деятельности *категорией. Деятельность* является важнейшей составляющей всей ее жизнедеятельности, ее жизненного пути, выступая в самых разнообразных формах и видах.

От личности как социального индивида (при определенных конкретно-исторических условиях) отчуждаются как продукты труда, так и сам труд и в конечном итоге – она сама. Но при этой мощной социальной детерминации конечной «инстанцией», от которой зависит позитивный или негативный результат этой детерминанты, является *личность.*

Так, Рубинштейн восстанавливает *категорию личности* как *центральную* для психологии и на этой основе подходит к раскрытию роли ее сознания, одновременно *зависящего* от ее бытия и *определяющего* ее способ самореализации в нем *через деятельность.*

В статье о К. Марксе (1934) С. Л. Рубинштейн это утверждение конкретизирует, раскрывает, *каким образом* осуществляется *диалектика* этих связей. Рассмотренные в данной статье «*движущие* силы» деятельности – потребности и способности – также диалектически определяются в *разном качестве относительно развития личности* (там же, с. 40–43). Проблемы потребностей и способностей составляют одну из стержневых линий последующих трудов С. Л. Рубинштейна, являясь раскрытием механизмов развития как *личности,* так и ее *деятельности.* К. А. Абульханова неоднократно отмечала роль личности как основания связи сознания и деятельности, а также то, что принцип единства сознания и деятельности неразрывно связан с *принципом развития* (Абульханова, 1980; Абульханова, Брушлинский, 1989).

Важно то, что С. Л. Рубинштейн вскрывает не только опосредуемую и осуществляемую личностью связь ее сознания и деятельности, но и связь роли сознания в ее *отношении к другому человеку.* Последнее отношение С. Л. Рубинштейн уже в ранних рукописях включил в число отношений субъекта. Из этого следует, что сознание *принадлежит* личности. И хотя более детальный анализ сознания личности и его роли он осуществил в своем следующем труде, «Основах психологии», принципиально то, что методологический подход к этой проблеме реализован *уже в данной статье,* содержание которой представляет философско-методологические предпосылки – *как основания основ психологии.*

Таким образом, устоявшееся в психологии представление о принципе *единства* сознания и деятельности, сформулированном в данной статье как слишком общем и, скорее, входящем в зону психологического *знания,* чем служащим в «инструментом» для реальных исследований, – это представление само являлось слишком общим. Между тем анализ данной статьи, даже достаточно краткий, показывает, что принцип единства и деятельности вскрывал *единство многообразных связей,* осуществляющихся на *разных уровнях психологической, личностной и даже социальной* организации. Он раскрывал сложную архитектонику *связи сознания и деятельности* с личностью, говоря о:

1) принадлежности ей сознания и его возможности;

2) прямой и обратной связи деятельности с личностью (от субъекта к объекту и от объекта к субъекту);

3) связи деятельности с предметами как результатами изменяемой субъектом действительности;

4) связи деятельности (в качестве труда) с природными способностями, общественными и личностными потребностями;

5) связи деятельности (ее характера как труда) с социумом, в котором она осуществляется личностью;

6) личности как детерминируемой этим социумом и *одновременно* как опосредующей его детерминацию, его воздействия и их последствия.

Чрезвычайно важна диалектика социальных детерминаций, раскрытая в разных типах обществ и способов их личностного опосредования, проявляющаяся в позитивном или негативном способе развития личности и характере ее деятельности.

В 1970-х годах ученики и последователи С. Л. Рубинштейна высказали замечание, ограничивающее его тезис о развитии личности в деятельности, именно имея в виду деятельность *как труд,* поскольку тот может иметь и деформирующий личность характер. Действительно, не только рабский, но и любой другой труд, имеющий *принудительный* характер, может обессмысливать деятельность личности, разрушая ее самое. Но в этом замечании, что деятельность не всегда развивает личность, не учтено то, что Рубинштейн очень четко проводил *различие* между *социальным уровнем организации труда* и уровнем *инициации и осуществления личностью деятельности.* Из характера этого замечания очевидно, что даже непосредственными учениками С. Л. Рубинштейна диалектичность методологических принципов психологии в его концепции осознавалась еще достаточно глобально, еще не «вычерпывалась» вся диалектическая сложность этих связей с опорой на философские и на теоретико-эмпирические, исследовательские основания.

Выявление многообразия и сложности связей, заключенных в принципе единства сознания и деятельности, важно как для развития психологии и для диалектичности научного мышления психологов, так и для раскрытия стратегий организации и осуществления конкретных эмпирических исследований.

Заслуга Рубинштейна заключалась не только в разработке этого сложного *методологического принципа,* но и в последующем раскрытии его операциональных возможностей в многочисленных *конкретных исследованиях,* проведенных с помощью этого принципа как *метода* в *многообразии его вариаций* применительно к *многообразию объектов,* избранных предметами изучения.

Эти исследования приходятся в основном на вторую половину 1930-х годов и осуществляются под его руководством коллективом психологов Герценовского педагогического института в период с 1935 г. до лета 1941 г. В 1935 г. появляется монография «Основы психологии», представленная автором в издательство годом ранее, «Методы и результаты эмпирических исследований в единстве с теорией» вошли в монографию, изданную в 1940 г. в качестве учебного пособия – «Основы общей психологии».

Монография «Основы психологии» является *переходной* от сложившегося к этому времени состояния *советской* психологической науки (с еще не преодоленным в ней наследием дореволюционной отечественной психологии) к новой психологической науке.

В определение понятия «Основы психологии» входит не один методологический принцип единства сознания и деятельности, а *система* методологических принципов, имплицитно и эксплицитно с ним связанная. Это принципы: субъекта, личности и развития, последний из которых был общепризнанным в отечественной психологии, но разными психологами интерпретировался по-разному. В основы психологии исходно входит и определение ее предмета.

2. Роль методологических принципов в разработке С. Л. Рубинштейном основ психологической науки

В 1930-е годы творческая деятельность С. Л. Рубинштейна целиком посвящена решению задачи создания *основ психологии* как *науки.* Понятие «основы» настолько прочно вошло в систему психологического знания и мышления, что чаще всего употребляется обобщенно, без дифференциации разных аспектов понимания сущности «основ». Под основами подразумевают иногда принцип единства сознания и деятельности, сформулированный впервые Рубинштейном в статье «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» (1934) и в вышедшем вслед за ней первом издании «Основ психологии» (1935). Иногда под основами подразумевается не сам *методологический принцип,* а та впервые представленная в «Основах психологии» отечественная психологическая наука *как система знаний,* как «логика» науки, научного познания и знания, необходимые и достаточные для открытия новых содержательных научных проблем.

Методологический принцип единства сознания и деятельности был сформулирован Рубинштейном как *основание трактовки самого объекта и предмета психологии.*

Предпосылкой его разработки явилась статья «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса». В ней содержался анализ и интерпретация понятия труда в его методологическом значении для определения деятельности в психологии. В статье Рубинштейн *отправляется от философии* к психологии, от ранней концепции К. Маркса к раскрытию ее роли для психологии. В книге «Основы психологии» 1935 г. он формулирует сам принцип единства сознания и деятельности в его методологической, теоретической и экспериментальной роли в психологическом познании, в истории психологической науки, определении ее предмета и методов, а также как основы *внутренних связей психологических знаний.* В «Основах психологии» 1935 г. соотносительно с «Основами общей психологи» 1940 г. внутренние связи между логикой *познания и предметом* психологической науки – с одной стороны, и ее качеством как системы *знаний* — с другой, прослеживаются явственнее, чем в последующем, задуманном как второе издание, но написанном как самостоятельная всеобъемлющая монография в томе «Основ общей психологии» (1940).

Проблема деятельности как в статье о значении для психологии трудов К. Маркса, так и в «Основах», ставшая стержнем методологии психологии, была неоднократно проанализирована учениками С. Л. Рубинштейна К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинским (в их совместной монографии и индивидуальных трудах). Методологический принцип единства сознания и деятельности на определенном этапе и в силу его понимания психологическим сообществом (и в силу других причин) был переформулирован в деятельностный подход (или принцип), а позднее для уточнения его собственно рубинштейновской интерпретации в связи с субъектом был переформулирован А. В. Брушлинским в *субъектно-деятельностный подход.* Последний решал задачи раскрытия ряда положений С. Л. Рубинштейна в их собственном, соответствующем его трактовке содержании и в их развитии в современных условиях, внедрении в психологическое мышление.

В целом творчество С. Л. Рубинштейна 1930-х годов можно охарактеризовать как период разработки *методологии психологии* (в отличие от периода 1920-х годов, когда его занимали более общие проблемы научного познания в целом (как *методологии наук*) и философская проблема субъекта самодеятельности и деятельности. И можно еще раз (вслед за учениками С. Л. Рубинштейна К. А. Абульхановой и особенно А. В. Брушлинским, который детально анализировал статью 1934 г. о значении трудов К. Маркса для психологии) отметить следующее. Методологически вводя в психологию *категорию деятельности,* которая затем выступила в качестве методологического принципа единства сознания и деятельности, Рубинштейн диалектически *преобразует марксову категорию* труда в методологическую для психологии

категорию деятельности субъекта. Он не прямо переносит социальное содержание поздней марксовой категории труда, а *интерпретирует* эту категорию на основе марксового анализа труда как осуществляемого индивидом, т. е. для психологии – личностью и на основе ранних произведений Маркса и через раскрытое им самим в 1920-х годах *соотношение субъекта и объекта как «самодеятельности»,* которая соответствует решению задач психологии.

Если категория труда в политэкономической теории К. Маркса была непосредственно связана с его *принудительным* для личности характером, то в психологии, следуя логике своей философской концепции субъекта 1910–1920-х годов, Рубинштейн выделяет *творческий, развивающий личность характер деятельности,* одновременно находя подтверждение этого в других положениях Маркса. Категория «труд» преобразуется Рубинштейном в категорию деятельности субъекта. Маркс определяет человеческую *деятельность* как *опредмечивание,* которое вместе с тем есть распредмечивание объекта (Рубинштейн, 1976, с. 24). Согласно раннему Марксу, *опредмечивание,* т. е. преобразование объекта, идущее *от субъекта,* дополняется другой фундаментальной зависимостью, *идущей от объекта к субъекту. Однако* распредмечивание осуществляется опять-таки субъектом. Находя совпадение идей раннего Маркса о промышленности как «раскрытой книге человеческих сущностных сил» со своей концепцией 1920-х годов, содержащей *принцип творческой самодеятельности* субъекта, Рубинштейн раскрывает их методологическое значение для психологии.

Сравнение исследования ранних рукописей К. Маркса (1959) со статьей «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» (1934) показывает, насколько тонко диалектически Рубинштейн *различает* марксовы понятия *опредмечивания и распредмечивания,* носящие собственно философско-антропологический характер, которым *отличается* содержание его ранних рукописей от понятия *отчуждения,* которое является центральным для совокупности социально-экономических идей «Капитала» как *отчуждения* от производителей продуктов их *труда.*

Понятие «отчуждение» К. Маркс употребляет, как считает С. Л. Рубинштейн в статье «О философских основах психологии» (ранние рукописи К. Маркса и проблемы психологии)» (Рубинштейн, 1959), и в смысле эксплуатации труда наемного *рабочего,* и в смысле ее преодоления, уничтожения путем революционной борьбы *масс.* Но нужно учитывать и другой контекст, в котором раскрывается это понятие: в нем речь идет о критике концепции Гегеля, который интерпретирует отчуждение и его «снятие» как *идеальную операцию.* Следовательно, понятия опредмечивания и распредмечивания, объективации и присвоения, опредмечивания и отчуждения имеют *три* основных значения, которые С. Л. Рубинштейн выделяет у раннего и позднего К. Маркса. *Первое* – собственно философское, при котором присвоение связано с *развитием* субъекта и всех его природных (в том числе психических) способностей. *Второе,* также *философское,* связано с критикой Гегеля, его представления об идеальности опредмечивания и распредмечивания. И третье – социально-философское (или даже чисто социальное) – это трактовка отчуждения как *антиразвития* человека, как отчуждения от него результатов его труда и в конечном итоге – его собственной сущности. Здесь снятие отчуждения – это революция как *социальное* явление. Различие этих трех значений крайне важно методологически при реализации *перехода* от философии к психологии.

Соответственно, «*присвоение*», согласно позднему Марксу, связано с *упразднением* частной собственности на продукты труда и отличается от идеи раннего Маркса о *распредмечивании, присвоении* как *развитии субъекта.*

Столь же важно обратить внимание на то, что, если в данной статье *лидирует* тезис о развитии субъекта в деятельности через распредмечивание ее *продуктов,* то уже в последующих формулировках принципа единства сознания и деятельности *интерпретация* последней связана с развитием, т. е. «сдвигается» с выделения роли *ее продуктов на саму деятельность* и ее роль в развитии субъекта. Иными словами, именно *осуществление деятельности* (а не

только ее продукты и предметы), оказывая обратное воздействие, *развивает* субъекта. Таким образом, С. Л. Рубинштейн соединяет принцип единства сознания и деятельности с принципом *развития.* Однако здесь этот принцип присутствует *имплицитно.*

Возникает вопрос, почему в данной – первой статье – речь шла именно о роли предметности деятельности, тогда как впоследствии методологическое содержание принципа единства сознания и деятельности заключало в себе идею роли *самой деятельности, развивающей* личность. Ответ заключается в том, что принцип «самодеятельности» 1920-х годов имел собственно *философский характер,* хотя идея *развития,* заключенная в нем, уже была осмыслена С. Л. Рубинштейном в связи с идеями Шпрангера и Дильтея, т. е. *психологически.*

Ответ на этот вопрос можно найти, поняв суть задачи, решавшейся С. Л. Рубинштейном в данной статье. Ему было необходимо доказать *объективную обусловленность* сознания (разрыв которого с деятельностью составлял суть кризиса психологии). Он пишет: «…у Маркса со всей возможной отчетливостью сформулировано положение об объективной опосредованности сознания» (Рубинштейн, 1973, с. 27). «Психика…, – продолжает он, – может быть познана посредственно через деятельность человека и *продукты* этой деятельности, потому что она в бытии своем объективно опосредствована ими» (там же, с. 28; курсив мой. – *А. С.*).

Это положение чрезвычайно существенно в аспекте дальнейшего развития идей и понимания сложной сути принципа единства сознания и деятельности С. Л. Рубинштейна. В идее *предметности* он максимально близок к Марксу, для которого деятельность создает предметы как продукты труда. Однако необходимо сразу отметить, что если в данной статье единство сознания и деятельности и объединяющего их субъекта фактически опосредовано их связью с *продуктами* деятельности и *предметами* сознания, т. е. их взаимосвязь обеспечивается через *объективированные* формы их выражения, то и в ранних трудах С. Л. Рубинштейна, и в его последующей за этой статьей монографии «Основы психологии» (1935) связь *сознания и деятельности определяется их принадлежностью личности, субъекту.* Здесь имеется сложная, до сих пор не выявленная в анализе творчества Рубинштейна проблема. С одной стороны, философски существенно положение его ранних трудов о *принадлежности всех отношений* и способностей (*и сознания, познания и деятельности*) *человеку,* который и является основой их единства. Но на том философском этапе пока речь идет об отношении человека к *глобальной действительности.* А в статье о К. Марксе ставится вопрос уже о более *конкретной,* т. е. *созданной человеком* действительности (в виде *продуктов, предметов* его труда).

При анализе творчества Рубинштейна именно в период становления его концепции очень важно раскрыть *двойственность* понятия *предметности,* которое стало центральным и сохраняется до сих пор и при определении сознания, и для характеристики деятельности человека. С одной стороны, предметность деятельности – это результат *созидательного преобразования* человеком действительности как *природы в действительность человеческую, социальную*[21]. С другой, в связи с положением Маркса об отчуждении от человека продуктов его труда предметность превращается в необходимость, принудительность, т. е. ставит рамки для творческого к ней отношения. Для психологии понимание этого различия значимо в силу того, что при психологическом анализе (восприятия, памяти, сознания) постоянно подчеркивается *предметность,* например, предметность восприятия и т. д. как *гарант объективности психического и самой деятельности.* Это справедливо в том смысле, что индивидуальная деятельность имеет дело с предметно-преобразованной действительностью, а не с чисто природной, которая исторически уже была преобразована в предметную. Но абсолютизация предметности при характеристике психических явлений ведет к минимизации их связи с субъектом. При этом учитывается их функция лишь для удовлетворения потребностей. Кроме того, существенна и *социальная* характеристика, присущая предметам как объектам деятельности личности. Тако-

[21] В последнем труде Рубинштейна она обозначается понятием «мир».

вым объектом, задачей для деятельности личности может быть любая ситуация, связанная с *отношениями* людей (что, например, характерно для педагогической, политической и многих других видов общественной деятельности). В «предметах» фактически *скрыто* три разных значения: 1) как преобразованность деятельностью природы; 2) как результат деятельности; 3) как социальные связи, не только предметы деятельности, но и общественные отношения людей. Будучи перенесена в психологию в качестве *определяющей характеристики* восприятия, познания, сознания и деятельности, предметность превращается в утверждение преобладающей роли необходимой, внешней детерминации, но тем самым не ограничивается ли *творческий* характер всех психических проявлений личности? Это противоречие необходимо выявить и разрешить.

С. Л. Рубинштейн утверждает, что воздействие общества на психику, сознание в конечном итоге *опосредуется* личностью. Если она (психика) опосредуется личностью, то здесь она выступает уже не только как субъект деятельности, но и как *субъект этого опосредования.* И это определяет и ее собственные возможности как субъекта *встречной* детерминации (влиять, активно участвовать, изменять, противостоять и т. д. действительности), которую она может охватить своей активностью, сознанием и деятельностью.

Таким образом, в системе принципов, составляющих основы психологии, появляется *принцип личности.* Хотя это понятие, как очевидно даже из перечня глав «Основ психологии», употребляется крайне редко, именно оно играет роль системообразующего *методологического* принципа в отношении всех других. Этот принцип на данном этапе *имплицитен.* Но, чтобы раскрыть его значение, нужно пояснить, что С. Л. Рубинштейн учитывает в марксовом понятии труда особенность его определения при переходе от философского уровня к психологическому, поскольку у Маркса речь идет о силе, ловкости в труде *индивида,* т. е. конкретного субъекта, а не абстрактно-философского. Именно он и обладает теми чувствами, о которых также пишет Маркс. Следовательно, для психологии «обладателем» силы и ловкости в труде и одновременно слухом, зрением как человеческими психическими способностями является *личность,* которая служит переходной от философской категории человека, философского уровня к психологическому и является основанием психических качеств и явлений. Это и есть методологическая роль принципа личности для обеспечения перехода от философии к психологии как онтологическое основание связи всех психических явлений.

Это положение фактически объясняет *логику всего творчества* С. Л. Рубинштейна – его путь *от поисков доказательства объективности самого субъекта в конечном итоге к объективности психического, сознания.* На данном же этапе, несмотря на то, что в его ранних рукописях *онтологический подход* уже был утвержден как *основа,* т. е. доказана объективность *всего сущего и бытия человека, для психологии, он в начале методологически интерпретирует объективность* как *предметность* продуктов, результатов деятельности *человека.* К. А. Абульханова отмечает, что позднее онтологический подход *смещается* с объекта – предметности, продуктов – на *саму деятельность,* еще позднее (в «Бытии и сознании») – на *сознание,* а в самом конце творческого и жизненного пути Рубинштейна – *опять* на *человека, субъекта. Его общефилософская парадигма* в «Человеке и мире» такова*: все* живое, предметное, идеальное, духовное есть сущее, т. е. существующее, онтологическое, но только сущности разных «сущих» (термин С. Л. Рубинштейна) *онтологически различны.*

Из этого следует, что первый (ранний) вариант онтологического подхода С. Л. Рубинштейна выступает как своеобразная *философская гипотеза – предпосылка* по отношению к последующим этапам разработки *онтологических основ в психологии.* Она становится при этом не только «плацдармом», где он только применяется, реализуется, но является методолого-теоретическим доказательством и *пространством его развития,* конкретизации, т. е. *доказательством* первоначальной *гипотезы.* Так следует *логика* творческого пути Рубинштейна – не «внезапные», необоснованные переходы от философии к психологии и от нее – опять к философии,

а *последовательность* этих «переходов»: 1) *выдвижение философски обоснованной онтологической гипотезы;* 2) затем ее методологическая, теоретическая и эмпирическая разработка на «почве» конкретной психологической науки; 3) получение таким образом *более обоснованного психологией доказательства правомерности* онтологического подхода в философской антропологии, парадигме субъекта.

Можно, конечно, задаться вопросом, почему сразу в этой статье С. Л. Рубинштейн не доказал объективность – онтологическую специфику сознания, а ограничился интерпретацией действительности как предметности, предметной опосредованности сознания? Несомненно, в силу того, что в существующем психологическом мировоззрении того времени сознание представлялось сугубо субъективным и доступным познанию только путем *интроспекции.* Сразу отвергнуть этот тезис значило бы прервать историческую связь с предшествующим развитием психологии, «с порога» отвергнуть ее, что было невозможно без постепенно накапливаемых доказательств: сознание, психика *проявляются* в деятельности (интерпретируемой уже как реальная, т. е. онтологическая, объективная) и *формируются* в ней (путем не только теоретических, но и эмпирических доказательств), сознанию принадлежит активная, т. е. *реальная онтологическая роль регулятора деятельности* [22], что сознание, психическое *родственно* всему бытию материального мира, имея собственную внутреннюю (онтологическую) сущность, реально участвующую во взаимодействии человека с миром (в качестве доказательства проводится аналогия с взаимодействием любых физических тел). Crescendo в этом доказательстве и было философское положение («Человек и мир») о *принадлежности сознания человеку* как его онтологически специфической идеальной способности [23].

Но поступательность и последовательность этих доказательств не являлась в чистом виде, поскольку на их пути стояло множество философско-методологических барьеров, которые было необходимо *постепенно* – и с той же доказательностью – *преодолеть* и *опровергнуть.* Одним из важнейших препятствий была абсолютизация гносеологического аспекта и, соответственно, противопоставление субъекта и объекта, что не позволяло *распространить объективный онтологический* подход *на субъекта.* Не менее важным – уже и психологически – барьером была абсолютизация ленинского определения сознания как *отражения* все той же *предметности* (существенной и в концепции К. Маркса), без признания объективности и первичности которой оно лишалось бы, якобы, своей общественной сущности. Это определение сознания и психологического, сохранившись в отечественной психологии до сих пор, преобразовано и углублено Рубинштейном в его *формуле многокачественности психического.*

Таким образом, фактически уже к середине 1930-х годов С. Л. Рубинштейн разрабатывает *систему* методологических принципов как *основ* новой системы и нового этапа развития психологии. Это принцип единства сознания и деятельности, принцип развития и принцип личности. В основном они имеют *имплицитный* характер. Эти принципы не были и не остались теоретическими абстракциями, поскольку с этого же момента Рубинштейн направляет герценовский коллектив на исследование психических явлений памяти, восприятия, мышления в их *развитии* в ходе *осуществления* ребенком определенного (экспериментально организованного) рода *деятельности.* Эти эмпирические исследования становятся основаниями следующего издания тома «Основ общей психологии»

---

[22] 3. В анализируемом ниже тексте «Основ психологии» мы находим утверждение С. Л. Рубинштейна о регулирующей роли сознания, однако он еще не обозначает ее философски как онтологическую. В 1940-х годах он поручает своим ученикам Е. А. Будиловой и М. Г. Ярошевскому восстановить *для психологии* сеченовскую идею о регуляторной роли психического, которая и могла лечь в основу доказательства реальности, т. е. онтологической роли сознания.

[23] 4. Поразительно, что положение о принадлежности сознания личности высказывается С. Л. Рубинштейном уже в первом варианте «Основ психологии» (см. ниже), но из этого еще не делается вывода об их собственной *непосредственно* онтологической сущности – она пока доказывается опосредованно.

3. Презентация психологической науки С. Л. Рубинштейном в «Основах психологии» 1935 г.

Почти одновременно со статьей о роли трудов К. Маркса для психологии С. Л. Рубинштейн пишет свои первые «Основы психологии», пока имплицитно раскрывая в них *роль методологии* в *интеграции психологической науки,* диалектичности своих способов теоретического мышления и эмпирического анализа и исследования. Глубоко диалектически Рубинштейн ставит вопрос о *начале* изложения психологии как системы, уже в самой его постановке поднимая проблему соотношения разных качеств науки как совокупности *знаний* и науки как *процесса познания.*

С самых первых строк он диалектически определяет соотношение высшего уровня науки – ее *предмета* исследования – как процесса добывания и накопления *знаний.* Определение предмета психологии, считает он, невозможно *до* осуществления *исследований:* «И сплошь и рядом наука может, формируясь в процессе научного исследования, в основном, сложиться, прежде чем откристаллизуется ее определение» (там же; курсив мой. – *А. С.*). И продолжает: «Определение предмета – конкретное и содержательное – является не *столько началом,* сколько концом, *итогом науки»* (там же). Это – с одной стороны. С другой, однако, «наука, осознавшая сущность своего предмета, будет развиваться плодотворнее и надежнее, чем наука, лишь ощупью прокладывающая свой путь, но оно (определение предмета), – добавляет он, – может и должно выявить основные установки, определяющие пути научного исследования в данной области» (там же, с. 39). Иными словами, определение науки идет во встречных направлениях – и от определения предмета, и от исследования.

При определении *специфики* психологического *познания* Рубинштейн дифференцирует *предмет и объект* науки, реализуя ранее разработанный им *онтологический* подход. Через двадцать лет в «Бытии и сознании» (1957) он напишет, что наука может исследовать тот *круг явлений,* который составляет ее *специфическую область,* и вместе с тем подчеркнет, что в качестве ее *объекта выступает субъект.* Однако и тогда это положение остается методологически *имплицитным,* труднодоступным для понимания в силу вышеотмеченной абсолютизации гносеологической философской противоположности субъекта и объекта.

Проблему *последовательности* определения и изложения знаний он ставит уже более определенно в «Основах общей психологии» (1940): какова должна быть логика, *последовательность* изложения системы психологических знаний? Он считает, что поскольку личность, бесспорно, является субъектом деятельности сознания, тем, *кто* мыслит, чувствует, действует, от кого исходят действия, *на первый взгляд,* представляется естественным и правильным начинать с личности как реального и конкретного субъекта всех его действий, мыслей и чувств[24] (Рубинштейн, 1940). Однако, хотя понятие субъекта здесь уже конкретизируется в понятии личности, он, как и в «Основах психологии» 1935 г., в качестве *предмета* психологии выделяет его *отношения – переживание и знание.*

В «Основах психологии» 1935 г. *онтологический* подход в определении *объекта* и предмета психологии, заключаясь не в определении психического как переживания (Рубинштейн, 1935), имплицитно подразумевает и его отношение к *субъекту:* «Это особое отношение психических переживаний к *субъекту,* их переживающему, характерный признак переживания. Переживания, мысли, чувства субъекта – это его мысли, чувства: это *его* переживания – *кусок его собственной жизни,* в плоти и крови его» (там же, с. 39; курсив мой. – *А. С.*). В данном определении очень явственно обозначена *онтологичность субъекта* как «*реального* во плоти

[24] В «Основах общей психологии» (1946) в качестве *предмета психологии* четко выделяются две абстракции – *отражение и отношение, знание и переживание.*

и крови» и принадлежность его самого к его *собственной жизни,* т. е. *бытийность субъекта.* Эта линия – акцент на субъекта – здесь составляет *непрерывную* логику развития идей 1920-х годов в статье «Принцип творческой самодеятельности» (и еще ранее сформулированных в «Ранних рукописях 1910–1920-х годов»). Одновременно Рубинштейн *конкретизирует* философское понятие субъекта, в качестве которого для психологии выступает *личность.* Понимая, что до сих пор объектом и предметом психологии являлось сознание, и, не нарушая принятой в прежней психологии логики, он дает ему (сознанию) новую *интерпретацию.* Рубинштейн утверждает, что сознание не первично, не демиург, а *свойство, качество личности.*

«С полной принципиальной ясностью и четкостью, – пишет он, – она (психология. – *А. С.*) должна ставить своей задачей изучение не всех вообще, а *психологических свойств* личности, ее сознания. Однако в известном смысле изучение сознания и психологических закономерностей его развития является изучением целостной личности. Так как личностью человек является лишь, поскольку он выделяет себя из окружающего и соотносится с другими, осознавая свое отношение к ним как отношение, то сознание является существенным атрибутом или, выражаясь диалектическим языком, *качеством личности.* Личность – это всегда сознательная личность. Это *не значит,* что *сознание является основным,* т. е. первичным и обусловливающим собой все остальное в личности. Сознание, напротив, *является* производным и самым, говоря образно, *верхушечным,* но именно поэтому и наиболее *интегральным выражением личности в ее отношении к миру»* (там же, с. 62; курсив мой. – *А. С.*).

Существенно, что в «Основах психологии» 1935 г. (в отличие от статьи о Марксе и последующих «Основ общей психологии» 1940 г.) *уделяется мало внимания деятельности,* хотя в оглавлении отводится место («Сознание и деятельность», с. 45). Чем это можно объяснить, если в 1920-х годах уже сформулирован принцип творческой *самодеятельности?* Мы предполагаем, что это объясняется трудностью задачи, стоявшей перед Рубинштейном, – поиском *методологического перехода* от уже философски определенного субъекта деятельности к его внедрению в психологию.

Ключевым для понимания и сущности психологии и того, на наш взгляд, гениального решения, посредством которого Рубинштейн перешел от философского субъекта *самодеятельности* 1920-х годов к определению его как основания психического, сознания, является то, что он *сохранил* в качестве основания психологии не деятельность, а ее *субъекта.* Это решение можно оценить как гениальное, потому что, следуя обычной логике, при переходе от философии к конкретной науке объект ее познания должен *измениться* (по отношению к предшествующему этапу развития психологии). Рубинштейн *изменил* объект познания, как мы увидим из дальнейшего анализа «Основ психологии», указав на субъекта. В «Основах» акцент ставится не на деятельность, а на ее субъекта, а сознание, психическое, являющееся объектом психологии, определяется по отношению *к субъекту*.

Рубинштейн объединяет двойное качество *психического,* сознания – его *отношение к субъекту* и *отношение субъекта* психического к внешнему миру: «Сознание – это всегда специфическое *отношение* субъекта к предметному миру» (Рубинштейн, 1935, с. 43). Он пишет: «Если принадлежность субъекту является одним из существенных признаков психического, то отнесенность его к независимому от сознания объекту является другой не менее существенной чертой психического: сознание отражает объективную действительность» (там же). Явственно присутствующая здесь *двойная связь психического с субъектом – отношение психического к субъекту,* т. е. его качество, как и его отношение к действительности, таким образом, постепенно соединяются *онтологическое* и *гносеологическое* (отражение). «Предметное сознание, – пишет Рубинштейн, – это не только *переживание,* которое *выражает* внутреннее состояние *организма,* но и *знание,* которое отражает объективную действительность» (там же, с. 45). К сожалению, в этой формулировке «выражением внутреннего состояния организма» Рубинштейн подменяет субъекта. В такой как бы внешне отвлеченной от субъекта формуле «пере-

живание и отражение, отношение и знание» определение предмета психологии переносится в «Основы психологии» (1940).

Если сравнить последнюю формулу с развернутым определением сознания в «Бытии и сознании» (1957), то здесь уже оно определяется как *субъективное* и *идеальное.* Однако в «Бытии и сознании» эти два качества сознания рассматриваются как онтологически *различные,* то в «Основах психологии» они представлены в *единстве:* «Всякое показание сознания есть идеальное выражение отношения к среде…» (там же). Утверждение этого единства принципиально в силу того, что при переносе в психологию философского понятия отражения некоторые авторы стали его определять противоположным образом: отражение субъектом как способ выражения *его отношения* к миру *заменили отражением как детерминацией предметом, объектом.* Логика *от внутреннего к внешнему* сменила свой вектор на противоположный – *от внешнего к внутреннему.* Однако очень важно подчеркнуть, что логика от внешнего к внутреннему в «Принципе творческой самодеятельности» не имеет ничего общего с принципом абсолютизации внешнего, т. е. социальной детерминации психического (в частности, в концепции Л. С. Выготского).

Следует добавить, что категории внешнего и внутреннего, которые впоследствии, в «Бытии и сознании», составят в своем способе связи знаменитую *новую формулу принципа детерминизма,* присутствуют уже в «Основах психологии», но в первоначальном виде в значении от *внутреннего* – к *внешнему.* «*Предметная отнесенность имеет место в каждом явлении сознания,* – пишет Рубинштейн, – *внутренняя* природа его *определяется его отношением к внешнему»* (там же, с. 43). Но это предпосылки последующей формулы детерминизма.

Сознание как *отраженное* квалифицируется С. Л. Рубинштейном термином *знание* (что является критерием сознания как идеального и в «Бытии и сознании»), а сознание как *отношение* субъекта к действительности – как *переживание.* И терминологически *единство* этих отношений подчеркивается термином «*двоякая соотнесенность»* (там же).

Для перехода от этого онтологического определения *объекта* психологии как субъекта, обладающего сознанием, к определению последнего как *предмета* науки Рубинштейн и использует принцип *единства сознания и деятельности,* но пока в имплицитном *методологическом* качестве. Здесь крайне важны уточнения и раскрытие сложности принципа единства сознания и деятельности, который в современной психологии часто сводится к общему тезису. Из анализа содержания «Основ психологии» 1935 г., из их сопоставления со статьей «Принцип творческой самодеятельности» (1922), с непосредственно предшествующей им во времени статьей о роли идей К. Маркса для психологии и, наконец, с развитием идей «Основ психологии» 1935 г. в «Основах общей психологии» 1940 г. возникает сложнейшая проблема раскрытия рубинштейновской интерпретации деятельности (и ее единства с сознанием). По-видимому, для характеристики предмета психологии в 1935 г. Рубинштейн использует философское понятие субъекта в его отношениях к действительности и отношении к нему (связи с субъектом) психического. При этом он характеризует предмет психологии *как* науки. Поэтому он минимально опирается на понятие деятельности, лишь имплицитно имея в виду ее ранее выявленную связь с сознанием. Когда же он приступает к процессу *психологического* познания, то он уже не только эксплицитно, но практически – исследовательски, операционально – использует *принцип единства сознания и деятельности.* Ранее раскрытую философски (в 1920-е годы) формулу деятельности субъекта, преобразующей объект, *он превращает в исследовательскую* модель психологического познания. Здесь трансформация принципа единства сознания и деятельности показывает, что он является не абстрактным тезисом, а связан, во-первых, с различием характеристик психологии как *науки,* знания и как психологического познания, исследования. Во-вторых, интерпретация деятельности, как мы увидим ниже, в последнем случае относится не к предмету науки, а к методу и в более общем смысле – к методологии. Из этого очевидна *поступательность* в разработке данного методологического

принципа и методологии в целом С. Л. Рубинштейна от методологических проблем, связанных с переходом от философии (идей К. Маркса) к психологии, от характеристики психологии *как определившейся* науки к осуществлению в ней психологического познания – исследования еще не известного, и на этой основе – презентация обновленной, исследовательски обоснованной характеристики психологии *как* науки в «Основах общей психологии» (1940). В конце 1930-х годов *категория* деятельности в понимании С. Л. Рубинштейна имела, по крайней мере, *двоякое* значение: как философское реальное общественное преобразование действительности и как психологическое осуществление деятельности личностью, выражающее отношения и переживания.

Раскрывая же ее *операционально-познавательную* методологическую роль, С. Л. Рубинштейн пишет, что она утверждает *объективность* психологического *познания,* которую оно приобретает на основе принципа *единства сознания и деятельности* (там же).

Поскольку в 1920-е годы Рубинштейн в целом рассматривал познание как *отправляющееся от действительности,* то и здесь процесс психологического познания он также начинает с необходимости рассмотрения «непосредственных данных»[25]: «Задача научного *исследования,* – пишет он, – определить те *условия,* при которых [данные. – *А. С.*], представляющиеся непосредственно, – пока эти условия не найдены и не учтены – *неоднозначны,* и этим создать основу для объективного познания психики через посредство *соответствующей деятельности»* (Рубинштейн, 1935, с. 48; курсив мой. – *А. С.*). Тогда отношения между познаваемым объектом и деятельностью превращаются в *однозначные.* Это высказывание детально раскрывает многоплановость, *многоаспектность* подразумеваемых Рубинштейном *качеств деятельности* и – главное – ее роль как *метода* познания. Фундаментальным для раскрытия всей «лаборатории» психологического познания является исследование через деятельность. Во-первых, крайне важно, что познание начинается не с единства, а с «неоднозначного соотношения сознания и деятельности», чем сразу снимается впечатление об этом методологическом принципе как об абстрактом тезисе. Во-вторых, из этого высказывания следует, что познание начинается не с готового предмета, не с неких непосредственно эмпирически данных действительности, а сталкивается с их *несоответствием,* которое может быть устранено лишь при определенных условиях, *поиск которых и составляет* задачу исследования. А поиск этих условий осуществляется *деятельностью.* Причем, как мы увидим ниже, *деятельностью субъекта,* чье сознание исследуется, и *деятельностью экспериментатора.* Иными словами, вместо простой эмпирики, данной в восприятии, имеет место сложнейшая задача поиска условий для установления адекватного соотношения и *между* данными восприятия *и деятельностью субъектов,* которые осуществляют познание. Здесь с очевидностью выступает роль методологии на самом *исходном – эмпирическом* уровне познания (хотя Рубинштейн и не называет ее методологией). Эта роль заключается в *поиске* единства – не как априорного, а как соотношения данных.

Еще раз относительно *деятельности.* Об одной и той же ли деятельности речь идет при обозначении *задачи поиска* условий единства сознания и деятельности при обозначении роли

[25] Стоит напомнить, что в статьях 1920-х годов С. Л. Рубинштейн поставил важнейший вопрос: каким образом, если познание отправляется от отдельных явлений, непосредственно данных восприятию, оно может, вернувшись к ним в итоге познания, объяснить их, охватив их многообразие абстрактными категориями? И, отвечая там же на этот вопрос, он утверждает, что уже на первой ступени познания (пока понимаемого не научно, а собственно гносеологически) они выступают *не в своей непосредственной данности*, а как предметы познания *в уже преобразованном виде*, при таких условиях, при которых их познание вообще могло бы начаться, и тогда *деятельность*, их преобразующая, выступает как условие их познания. При философском рассмотрении познания изначально – это практическая деятельность, открывающая в объектах предметы, удовлетворяющие потребности человека. В дальнейшем познание направляется на удовлетворение познавательных потребностей и решение познавательных проблем, которые уже опосредованно связаны с жизненно-практическими потребностями человека, а научное познание направляется на решение собственно научных задач, которые еще более опосредовано уже при преобразовании результатов их решения применяются на практике.

«соответствующей деятельности, создающей *основу* объективного познания психики» (там же)?

Предположительно в формуле С. Л. Рубинштейна речь идет о *разных деятельностях* или, точнее, о различных аспектах одной и той же деятельности, в которой важен *способ осуществления деятельности,* соответствующий/не соответствующий сознанию, и *объективной* реальной деятельности как *изменяющей* нечто в «предметы» исследования действительности. По-видимому, она и изменяет непосредственно данные *действительности,* чтобы найти те условия, при которых познание и способ деятельности, имеющий психологические характеристики, *приходят в соответствие.* Одним словом, реализация принципа единства сознания и деятельности не начинается с их единства – оно *находится в результате* решения определенной проблемы, критерием объективности которого является единство сознания и *реальной деятельности.*

В этой связи стоит вернуться к анализу статьи о Марксе и обратить внимание на стратегию познания – то, что интересовало Рубинштейна в марксистской концепции. Он отмечает, что Маркс так строит композицию различных эмпирических фактов и теоретических положений, что *процесс этого построения остается скрытым,* а результат выступает как *априорная конструкция,* на самом деле являющаяся итогом обобщения[26].

Принцип единства сознания и деятельности большинством психологов того времени и воспринимался именно как априорная конструкция, как, впрочем, впоследствии и принцип детерминизма (по словам К. А. Абульхановой, он представляет собой нечто вроде «лозунга» и потому так легко вошел в психологическое сознание, социально воспитанное к принятию принципов науки как простых идеологических постулатов). Между тем в предисловии к «Основам психологии» С. Л. Рубинштейн прямо писал о том, что он «не стремился к тому, чтобы *предпослать* специальному психологическому исследованию всю *методологию.* Сделать это – значило бы вынести ее за скобки. Тенденция настоящей работы иная. Она заключается в том, чтобы, наоборот, *пронизать* весь конкретный психологический материал едиными методологическими идеями и дать их в основном *не до,* а *внутри* конкретного содержания» (Рубинштейн, 1935, с. 3; курсив мой. – *А. С.*). Действительно, в «Основах» имплицитно методология *пронизывает все уровни* научного познания, придавая целостность *и самому познанию* (во всех его формах и на всех его уровнях), и самой методологии как непростому способу его осуществления.

Интегрирующая науку методология, разрабатывавшаяся Рубинштейном по этапам на протяжении 1930-х годов: от статьи о К. Марксе к «Основам психологии» 1935 г., затем – к эмпирическим исследованиям и «Основам общей психологии» 1940 г., – включала другие принципы: принцип личности и принцип развития. Последний, как уже отмечалось, разрабатывался во всей мировой психологии в *разных интерпретациях.* Личность же уже в 1930-е годы стала предметом в исследованиях, но преимущественно, как отмечает К. А. Абульханова, при изучении личности ребенка. Иными словами, Рубинштейну не принадлежит авторство в разработке этих проблем. Однако его заслуга состоит в превращении их в такие методологические принципы психологии, которые *имплицировали друг друга,* внутренне связывали в единое целое. Методология, разработанная С. Л. Рубинштейном, выявляла связь сознания и дея-

[26] Рубинштейн цитирует это положение Маркса, давая ему интерпретацию применительно к психологическому исследованию: «Исследование, – писал Маркс, – должно усвоить себе предмет в деталях, проанализировать различные формы его развития и найти их внутреннюю связь; если в построении идеально отразится жизнь предмета, то может показаться, что перед нами априорная конструкция». *«Такое идеальное отражение жизни предмета, – пишет Рубинштейн, – которое, будучи результатом тщательного анализа фактов, может показаться априорной конструкцией, потому что оно раскрывает внутренние связи изучаемого предмета, и которое, вместе с тем, давая в выявленных им законах понимание и объяснение явлений, может показаться чистым описанием, потому что оно лишь отражает жизнь предмета, не привнося в него ничего чуждого извне, – такое идеальное отражение жизни своего предмета составляет цель и психологического исследования»* (Рубинштейн, 1935, с. 69).

тельности как *личностно опосредованную,* а исследование разных способов, форм (явлений) психического – как *личностно ориентированных,* т. е. онтологически обусловленных субъектом, личностью. Это имело место даже тогда, когда в «Основах психологии» Рубинштейн употреблял понятия личности крайне редко. Как он обеспечивал интеграцию других принципов, в частности принципа развития, будет показано ниже.

В итоге система методологических принципов психологии обеспечивала ее интеграцию как в известном смысле «закрытой» системы (понятие 1920-х годов), но эта закрытость заключалась не в исключении исследования, а во *взаимной имплицированности,* соответствии «прегнантности» (термин гештальтпсихологии) принципов друг другу. Это обеспечивало *объяснительный уровень психологии* и одновременно возможность *перехода* от абстрактно-гипотетического объяснения к *доказательному* – эмпирическому, собственно исследовательскому уровню. Таким образом, интегральность психологии обеспечивалась как связью методологических принципов, так и их ключевой ролью для организации исследования (хотя понятийно Рубинштейн рассматривал и эмпирический уровень психологии науковедчески в объяснительных терминах).

К этому следует добавить соображения о соотношении абстрактного и конкретного (эмпирического) уровней психологического познания. Считается, что они не соотносятся как единичности (частности), факты и на эмпирическом уровне изначально должна подразумеваться, а затем и обнаруживаться целостность, которая *онтологически исходна* как качественная определенность данного *объекта* (или специфической области познания). Познание гносеологически *сталкивается на* эмпирическом уровне *с онтологическим объектом,* обладающим своей, еще не раскрытой исследованием *целостностью, совокупностью* связей, отношений, *пересекающихся детерминант.* Поэтому эмпирический уровень и гносеологически, и конкретно-научно – это не единичные факты, данные, открываемые восприятием в познании или исследованием в эксперименте, а лишь конкретные *проявления, скорее, «проблески» определенных онтологически существенных связей.* Именно для этого и необходима в психологическом познании деятельность, превращающая объект познания в предмет исследования, нацеленного на существенные отношения действительности уже в эксперименте.

Следует сказать, что *предметом* исследования С. Л. Рубинштейна были *две* действительности: первая – *реальная действительность психического,* т. е. его *онтология,* и вторая – *его теории,* в которых действительность психического как *объекта* уже была преобразована в *предмет* науки. Следует также отметить, что Рубинштейн превращал онтологическую действительность психического в проблемную, т. е. он занимал по отношению к ней *исследовательскую* позицию – теоретическую и эмпирическую, что приводило затем к превращению *процесса познания* в *результат – знание.* «Действительность» теорий как разнообразных определений психики и сознания разными авторами, школами, направлениями также выступала для него как требующая методологического осмысления, переосмысления и преобразования. От преобразования – *реинтерпретации* (Р. Рикёр, В. А. Кольцова и др.) имеющихся в психологии теорий, подходов, проблем он шел как бы во *встречном* (*реципрокном*) *направлении* к обобщению – выводу о *способе их включения* в новую, целостную, его *собственную систему знания,* объединяющую теории и эксперименты.

Каждый методологический принцип соотносился им с существующей системой понятий и принципов *науки в целом.* Когда им осуществлялась *критическая интерпретация* предшествующих теорий, они не отвергались в принципе, но благодаря *новому* взгляду, обнаруживающему их неоднородность, неадекватность, тупиковость, преобразовывались *таким образом,* что становилось возможным объединить их с более всесторонней, более глубокой диалектической теорией.

Рубинштейновский критический анализ и новая *интерпретация* предшествующих психологических теорий в «Основах психологии» 1935 г. являются ярчайшим проявлением ее

возможностей как *исторического метода.* Единство сознания и деятельности было доказано не только тем, что его «обеспечивало» философское упоминание субъекта, но и преобразованиями, *реинтерпретациями*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.